

Останься со мной

Автор:

Маргарита Дюжева

Останься со мной

Маргарита Дюжева

Зыбучие пески #2

Три года назад он вышвырнул меня из своей жизни, потому что я не дотягивала до его идеалов. Была слишком неудобной, слишком яркой и непослушной. Я бы хотела его забыть, но две полоски на тесте не дали этого сделать. И вот теперь у меня сын, работа, новые отношения, но прошлое внезапно врывается в мою жизнь, не оставляя мне выбора

Маргарита Дюжева

Останься со мной

Пролог

– Ты переоцениваешь свое значение в моей жизни. Я откажусь от тебя так, словно никогда и не знал.

Наша история банальна и до жути предсказуема. Состоятельный жесткий мужик и наивная студентка. Она влюбилась, как дурочка, а он – наигрался и бросил.

Я никак не могу этого принять. Все еще надеюсь на что-то. Поэтому еду к нему на работу и караулю на парковке.

Проходит час, два... Наконец, он появляется. Разговаривает по телефону, не замечая меня, а я как маньячка жадно его рассматриваю. Даже не дышу.

Набираюсь смелости, чтобы показаться... но не успеваю. Откуда ни возьмись появляется Эльвира, как всегда роскошная и идеальная. Подходит к нему и целует, а он не отталкивает ее! Наоборот отвечает, притягивая за талию к себе.

Я захлебываюсь от ревности и едва успеваю спрятаться за соседней тачкой. Сквозь окна наблюдаю, как он привычным галантным жестом распахивает перед ней дверь и помогает забраться внутрь. Поправляет запонку на рукаве и идет к водительскому сиденью.

Слишком поздно до меня доходит, что его путь проходит мимо меня. Не успеваю переместиться за другую машину и замираю, когда наши взгляды пересекаются.

Барханов вскидывает брови, окатывая меня безразличием. Я медленно поднимаюсь, вытирая внезапно вспотевшие ладони о помятую футболку. Не могу оторвать от него взгляда, не могу ничего сказать, будто голосовые связки подрезали. Просто судорожно глотаю. Мысленно умоляю понять меня, почувствовать все то, что хочу сказать, но не могу.

Он не слышит. Не чувствует. Не понимает.

Просто уходит. Садится в машину, так ни разу не обернувшись, и выезжает с парковки.

Ему все равно. Сказка закончилась. Принц отряхнулся и отправился дальше, а глупая Золушка осталась у разбитого корыта.

Конец.

Я хватаю с земли обломок бордюрного кирпича и уже замахваюсь, чтобы разбить ему заднее окно, как он мне разбил сердце. Но рука безвольно падает вдоль тела. Пальцы разжимаются, и камень с глухим стуком выпадает на

асфальт.

Нет смысла.

Он сделал свой выбор, и мне его не переубедить. Такие как он не мечутся. Они просто поворачиваются и уходят, и глубоко наплевать на тех, кто остался позади.

– Пошел ты к черту, Демид! – шиплю, давясь колючими слезами, – пошел к черту.

Я была настолько наивна, что думала, будто жизнь заканчивается, когда тебя бросают. Когда выдирают сердце из груди, швыряют на острые камни и топчут железными сапогами.

Ничего подобного!

Она заканчивается, когда ты блюешь каждое утро. Упорно оправдываешь это отравлением, ротавирусом, скачками давления и ретроградным Меркурием, а потом покупаешь тест и обнаруживаешь две полоски.

В этот момент небеса обрушиваются с такой силой, что придавливают тебя к земле, и нет возможности шевельнуть рукой. Больно. Страшно. Липкий ужас все глубже засасывает в свои сети.

Я выпадаю из реальности. Дрейфую. Пытаюсь убедить себя, что все это сон, из которого вот-вот удастся выбраться. К сожалению, нет. Не выбраться. Это не рассосется само. Не исчезнет.

Я одна. И я беременна.

Первая мысль – сообщить ему. Но вспоминаю его жестокие слова и то, как он на моих глазах целовал другую. Снова настолько больно, что не могу дышать.

Клянусь, самой себе, что не стану ему звонить. Даже если подышать буду, даже если от тоски захочется выть и бросаться на стены.

Больше никогда и ни за что.

От меня и так ничего не осталось. Только ошметки. Я соберу их, склею как-нибудь. Справлюсь. Без него.

Глава 1

Три года спустя

– Лерочка, отвезешь платежки в банк? – просит Светлана, протягивая мне розовую папку, – надо успеть до обеда, а я никак не могу.

– Без проблем, – не глядя, сгребаю папку на край стола, – сейчас с бронью закончу и я вся твоя.

– Спасибо, дорогая, – Светка плюхается на свой директорский стул, – ко мне сейчас клиентка придет. Они со своим хмырем на Мальдивы собираются. Зануда знатная. Но у этой зануды мои денежки, и я хочу их получить.

Если уж Света сама решила заняться клиенткой, значит действительно кто-то очень важный и очень важный. Простые Турции с Египтами она на нас скидывает.

– Учитесь девочки. Сейчас будет мастер-класс по раскручиванию богатых снобов на деньги. Побольше пафосных слов: для избранных, элитный отдых, лакшери. Главное убедить их в их собственной уникальности и превосходстве, но не перегнуть, а то от гордости лопнут.

Мы с девчонками переглядываемся и смеемся, но тут раздается стук в дверь. Дружно вздрагиваем, тут же надеваем маски самых разлюбезных менеджеров, готовых принять vip-гостью. Но тревога оказывается ложной. Это всего лишь курьер с огромным букетом цветов:

– Валерия Вознесенская? – спрашивает он, пытаюсь одновременно удержать веник и достать планшет с записями.

Девчонки хихикают, а я, обреченно поднимаю взгляд к потолку, потом забираю букет и вместо подписи ставлю размашистый крест.

– Лерка, с твоими усилиями нам надо не только турагентство открывать, но и салон цветов по совместительству, – Света одобительно кивает, – кто на этот раз? Лешка или Игнат?

Я нахожу карточку среди сочных бутонов и читаю вслух:

– Ты прекрасна, как звезда на вечернем небосводе. Я готов смотреть на тебя вечно. Мечтаю о скорой встрече...пфф...скукотень, – продолжать дальше нет смысла, – Это Леша.

– Совсем парню голову вскружила. Бессовестная!

– Да, я такая, – кокетливо улыбаюсь и ставлю веник в ведро. Потому что вазы нет.

– Скорее бы уж замуж тебя выдать, – беззлобно ворчит Юленька, – а то чувствую себя старой бабкой, которой ни цветов не дарят, ни конфет.

Все смеются, потому что Юлька у нас счастливая мать и жена, которая души в своем муже не чает.

– Тихо! – внезапно цыкает Светлана, – слышите?

Из коридора раздается размеренный, твердый перестук каблуков. Фантазия тут же рисует бизнес леди в строгом костюме и стильных очках.

– Это точно она, – начальница приглаживает волосы, – боевая готовность номер один.

Еще несколько шагов, затишье перед кабинетом и, наконец, дверь распахивается.

– Добрый день, Эльвира, – Света выдает профессиональную улыбку, способную очаровать кого угодно, – проходите.

У меня паралич.

Потому что это та самая сушеная вобла, на которую меня когда-то променяли! Я пытаюсь не задохнуться и заставить себя отвести взгляд в сторону. Никак. Будто приклеилась.

Зачем она здесь?!

Ах, да Мальдивы.

Тогда другой вопрос. Какого черта она именно здесь? В городе что, мало дорогих турагентств. Выбирай любое!

Она меня не узнает. Скользит равнодушно-приветливым взглядом по всем сотрудникам, здоровается и устраивается напротив Светы.

– Я подобрала для вас несколько прекрасных вариантов, – начальница разворачивает к ней яблочный экран, – уверена, вам понравится.

Эльвира чопорно кивает:

– Сейчас приедет мой мужчина, и мы все решим.

Что? Мужчина?! Я аж дергаюсь. Бьюсь коленкой об стол, роняю папку, карандаш и собственное достоинство.

Демид приедет?! Боже, только не это! Надо бежать отсюда, пока не появился Барханов!

Я судорожно щелкаю по кнопкам, стараясь скорее разобраться с клиенткой, которая, как назло, никак не может определиться с отелем. Мне уже хочется орать. Громко и в голос. Потому что драгоценные секунды ускользают.

Мой кошмар из прошлого может в любой момент появиться на пороге. А я не готова. Я не хочу его видеть. Не могу.

Доделываю. Бронирую. Тороплюсь изо всех сил, но все равно не успеваю...

– Добрый день.

Внутри все обрывается.

Боже, я так надеялась, то больше никогда не услышу этот голос.

Девочки невольно выпрямляют спины и втягивают животы. Привычная картина. Барханов из тех мужчин, которые неизменно притягивают внимание всех самок в зоне видимости.

Он все такой же, как и прежде. Даже еще более холеный. Дорогой.

По сторонам он не смотрит. Простые смертные его не интересуют, и впервые я рада этому. Потому что он не замечает меня, не слышит дикого грохота сердца в моей груди.

– У меня мало времени, – выразительный взгляд на Эльвиру, и та невольно вытягивается по струнке, – побыстрее, пожалуйста.

Света моментально понимает, что такого как Демид лестью не пробьешь. Отбрасывает приторные улыбки и врубает прожжённого профессионала:

– Уверена, мы все сейчас быстро решим, – потом обращается ко мне, – Валерия! Не забудь про платежки!

Я хватаюсь за эти платежки, как за спасательный круг. Выключаю компьютер, прижимаю папку к груди и иду на выход, из последних сил пытаюсь не выдать своего волнения.

На миг мне кажется, что между лопаток впивается чужой пристальный взгляд. Но только на миг. Потом дверь захлопывается и становится легче дышать. Я несусь прочь по коридору и молюсь только об одном. Чтобы он меня не узнал.

Потому что, если это случится – мне конец.

Глава 2

– Демид, пожалуйста! Это займет пять минут. Ради меня!

У меня сводит челюсти. Терпеть не могу такие манипуляции. Ради меня. Ложечку за маму, ложечку за папу...

– Эля, у меня нет времени. Иди сама, выбирай, что хочешь. Ограничений нет. Безлимит. Я переведу деньги.

– Я хочу, чтобы ты принял участие, а то ощущение, будто это нужно мне одной.

Ну а кому еще? Я и без этих Мальдив себя прекрасно чувствую. И не испытываю потребности лежать тюленем на пляже или полоскать тела в солёной воде. Но она считает, что это романтично. А еще считает, что я уделяю ей слишком мало времени.

Возможно, так и есть. Я все чаще возвращаюсь домой ближе к полуночи, при том, что ухожу в восемь утра. Меня устраивает такой расклад. Эльвиру нет. И наверное, у меня где-то завалялись остатки совести, потому что, глядя на ее расстроенную физиономию пообещал, что отложу все дела, возьму отпуск, и мы махнем на белые пески, жарить свои окорочка на солнце.

Пообещал. Но никак не ожидал, что она меня издегает с этим вопросом. Какой отель, какой номер, какой остров.

Мне все равно. Я просто хочу получить результат и готов выложить за это приличные деньги. Процесс подбора мне не интересен, но в этот раз Эля почему-то решила, что я должен принимать не только финансовое участие. Ради нее.

Я считаю это полной ересью и бесполезной тратой времени, но все-таки еду в агентство, чтобы согласиться на любую фигню, которую она там накопала. Я ей выскажу позже все, что об этом думаю, но сейчас мне проще согласиться, чем

слушать ее нытье.

Паркуюсь на забитой стоянке, бессовестно занимая полтора места, выхожу из машины и иду к двухэтажному зданию, в котором расположено турагентство. Где его Элька нашла, и почему именно его – понятия не имею. Не вникал. Мое дело платить, а не вот это вот все.

Поднимаюсь на второй этаж и нахожу нужный кабинет. Два окна, большое светлое помещение. Пять рабочих столов. Эля сидит рядом с одним из них и разговаривает с миловидной женщиной лет тридцати пяти.

– Добрый день! – я здороваюсь, взглядом показывая Эльвире, что ее ждут проблемы. Она немного тушуетсся и пытается спрятаться за приветливой улыбкой.

Не выйдет. Я в такие игры не играю.

Другие сотрудницы сидят за своими компьютерами и сосредоточенно щелкают по кнопкам. Одна из них разговаривает по телефону с клиенткой, втюхивая отель на второй береговой линии. Хорошо втюхивает, качественно. Впрочем, мне не интересно. Я беру свободный стул, подставляю его к столу и усаживаюсь рядом с Эльвирой, игнорируя ее заискивающие взгляды.

К счастью, у хозяйки этой забегаловки достаточно ума, чтобы понять, что мое время очень дорого стоит.

– Уверена, мы сейчас быстро все решим, – твердо произносит она, вызывая подобие уважения. Потом оборачивается к своей сотруднице, – Валерия, не забудь про документы.

Блондинка за дальним столом почти сразу подрывается со своего места. Торопливо складывает бумаги, распахивает ручки по отсекам в подставке, берет папку и звонко цокает каблуками к выходу.

Мимо меня. Просто идет. Мне плевать. Не интересно.

...Пока порывом воздуха не приносит аромат ее духов.

Приторно-сладкий, цветочный. Плоский, никакой, дешевый. Парфюм из подземного перехода. Но он бьет наотмашь. Оглушает. Напрочь отключая возможность шевелиться.

Тот самый триггер из прошлого, от которого я так старательно избавлялся все это время. Как последний кретин задерживаю дыхание, пытаюсь обуздать взметнувшийся до самых небес ураган.

Это просто запах. Вот и все. Мало ли кто так может пахнуть? Следом обжигает воспоминание о том, как к ней обратилась хозяйка.

Валерия... Это значит Лера? Лерка? Матерю себя, потому что ни черта это не значит!

Взгляд сам стянется следом за ней. Жадно щупает, сравнивает.

Худенькая, в брючном костюме, на шпильках. Белые, идеально гладкие волосы чуть ниже плеч. Никакого огня.

Да нет же. Не она!

Просто совпадение.

В ушах звенит, сердце иступленно грохочет в висках, не справляясь с выбросом адреналина. Меня всего колбасит. Даже сидеть нормально не могу, словно раскаленный гвоздь в одно место вогнали.

Тише, Барханов! Тише! Ложная тревога. Флешбек из Вьетнама.

Выдыхай, пока не лопнул.

– ...Да, милый? – Эльвира с надеждой смотрит на меня.

– Да.

Я рассеянно киваю, хотя понятия не имею, о чем речь. Меня просто выстегнуло из реальности в какую-то другую Вселенную.

– Спасибо! – она радостно сверкает глазами и дает отмашку менеджеру, – Бронируйте!

Мне, похоже, тоже пора бронировать...палату в дурдоме, потому что никак не могу справиться с собственными демонами, которые внезапно пошли в пляс.

Подумаешь Валерия, подумаешь триггер. Что такого? Убеждаю себя, но все равно не могу успокоиться. Чумной зверь внутри меня принял охотничью стойку и никак не свалит в свою берлогу, в которой он тихо-мирно сидел столько времени.

– Все, готово, – улыбается девушка, – бронь подтвердили. Можно оплачивать.

Она называет сумму с кучей нулей, и я на автомате прикладываю карту к терминалу, слушая какой-то восторженный бред от счастливой Эльвиры. Просто тону в нем, не делая попыток выплыть. Кажется, у меня проблемы с речью. Или с мозгами.

– Поздравляю. Оплата прошла.

Что-то мне не радостно совсем от этих поздравлений. Скорее наоборот. Именно в этот момент отчетливо понимаю, что никуда не хочу ехать.

– Ваш вылет в следующую пятницу. Тринадцать ночей, четырнадцать дней.

Твою мать... Еще и на две недели подписался.

Нам выдают пакет документов, желают счастливого пути и всего самого наилучшего. Мне не терпится уйти и избавиться от дурацкого наваждения, а Эльвира тормозит, вызывая жгучее раздражение. Продолжает задавать вопросы про обслуживание номеров, про еду, про перелет. Я уже готов схватить ее в охапку и волоком вытащить из офиса.

К счастью, этот балаган заканчивается, до того, как я достигаю предельного градуса. Мы выходим на улицу.

– Я так рада, что у нас все получилось, – она берет меня под руку, – только представь. Две недели в Раю. Ты. Я. И никаких хлопот. Здорово, да?

– Угу, – упорно шагаю к своей машине, – тебя подвезти?

– Нет, я своим ходом, – указывает на красную машину на другом конце парковки, – у меня дела.

Я киваю. Скупое отвечаю на ее прощальный поцелуй и сажусь в тачку.

Меня все еще потряхивает.

Казалось бы, день прошел и ладно. Досадный инцидент исчерпан и хорошо. Подумаешь, привиделось не пойми что. С кем не бывает? Забыть и все.

Так?

Ни черта не так.

Я себя настраиваю на работу, убеждаю, что это было даже в некотором роде забавно. Выкидываю из голову, как несущественную глупость. Успокаиваюсь.

...А в шесть вечера, к тому моменту, как турагентство закрывается, я сижу в машине напротив входа и сжимаю руль с такой силой, что еще немного и выверну его из крепления.

Форменный идиот.

Мне надо убедиться, что просто показалось. Я обязан это сделать, потому что иначе не засну.

Дважды идиот.

Время идет. Оно дорого стоит, но сегодня мне плевать. Я бежал из офиса, как среднестатистический работник в пятницу вечером. Аж пятки сверкали. А уж сколько правил нарушил, пока гнал через весь город к этой хибаре...

Трижды идиот.

Не припомню, когда я еще вел себя настолько неадекватно. Хотя нет. Вру. Еще как припомню. Прошлое оно такое...не отпускает. Думаешь, что все прошло, а потом вот так раз и запах знакомый, и ты снова по самые уши в этом болоте.

Проходит еще немного времени, и я уже почти убеждаю себя ухать, но на крыльцо выходит та самая блондинка. У нее в руках огромный букет белых роз. Она копается с ним, перехватывает поудобнее, одновременно пытаюсь поправить сумочку на плече.

А я смотрю во все глаза, пытаюсь рассмотреть. Аж привстаю с сиденья, склоняясь вперед.

– Обернись! – шиплю сквозь зубы, – Покажи мне свою физиономию!

Она будто нарочно отворачивается, вызывая стойкое желание выскочить из машины и насильно развернуть к себе лицом.

– Ну же!

Она, наконец, справляется и с сумкой, и с букетом, и, гордо выпрямив спину, разворачивается в мою сторону.

Удар под дых. Следом еще один. И апперкот. И бетонной плитой сверху для надежности.

Это действительно Вознесенская.

Лерка. Ежик. Та самая зараза, которая когда-то ворвалась в мою жизнь и перевернула там все вверх дном. Настолько, что потом долго приходил в себя.

Совсем другая. Взрослее, спокойнее. Без рваных джинсов и топиков, сползающих на одно плечо.

Она проходит мимо моей машины, не замечая сидящего внутри парализованного придурка. Нюхает дурацкие цветы и улыбается.

Это хорошо, что я контужен, потому что еще немного и выскочил бы за ней. Меня хватает только на то, чтобы проводить ее шальным взглядом.

Почему она блондинка? Где огненная грива рыжих волос? Как она снова попалась мне на пути? И какой придурок дарит ей цветы? Муж? Любовник?

Барханов! Не твое дело!

Я напоминаю себе, что ни ее волосы, ни ее мужа меня не касаются. Я сам когда-то поставил точку в наших отношениях. Выставил ее за дверь и забыл...

Вот только забыл ли?

То, что сейчас кипит во мне совершенно не похоже на забвение. Я полон под завязку. Во мне снова кипит. И кажется, я чувствую себя более живым, чем за все прошедшие годы.

Она всегда действовала на меня именно так. Выбивала на эмоции. Распаляла. Заставляла творить всякую дичь и забывать о том, что я взрослый адекватный мужик.

Рядом с ней моя адекватность сворачивалась в трубочку и тихо скулила в углу.

Поэтому и бросил.

И сейчас надо бросать. Разворачиваться и уезжать, выкинув призраков прошлого из головы. Потому что если дать слабину, то все это закончится плохо.

Я уже буквально бью себя по рукам, чтобы не позвонить безопасникам и не запросить у них полный отчет о том, чем она занималась все это время. Каждую

мелочь. Вплоть до того, в каком магазине она покупает белье.

Стоп! Не нужно этого! Не нужно! Мне на хрен все это не сдалось!

Взгляд продолжает цепляться за узкую спину и светлую макушку.

Почему же ты больше не рыжая, Ежик? Мне так нравились твои волосы...

Меня штормит. Бросает из крайности в крайность. И чтобы не натворить глупостей, о которых потом непременно пожалею, я срываю машину с места. С визгом палю шины по асфальту, разгоняюсь и пролетаю мимо нее, запрещая себе отрывать взгляд от лобового стекла и оглядываться.

Еду домой, к Эльвире. Не знаю почему, но сейчас я воспринимаю ее как якорь, способный удержать меня от подступающего безумия.

Эля идеальна. Воспитана, умна, красива. Она может поддержать разговор и никогда не совершает глупостей. С ней нестыдно появиться на людях, и всегда есть уверенность, что не подведет.

В ней все не так, как в Лере. В ней все правильно. Она именно та женщина, которая мне нужна.

Это железная истина. Точка.

Только почему-то вечером, вместо того чтобы утащить эту идеальную женщину в спальню и хорошенько отлюбить, я прячусь в своем кабинете, прикрываясь несуществующими делами.

На самом деле, просто сижу, уткнувшись взглядом в стену, и гоняю в голове только одну мысль.

Почему же ты больше не рыжая, Ежик? Мне так нравились твои волосы...

В субботу у нас бедлам. Приезжает Артур со своим выводком, и Швецовы в полном составе. В результате мой удобный, тихий дом превращается в дику смесь яслей и зоопарка.

Четверо пацанов – трое Артуровских и один Швецовский – самозабвенно бомбят мою гостиную. Я уже даже не дергаюсь, когда они умудряются сорвать штору, вместе с гардиной и мажут шоколадом серый диван.

Заботливая Вероника пытается их утихомирить, а Ярослава старательно делает вид, что ничего не замечает и вообще у нее лапки.

– Дем, морду попроще сделай, – усмехается Влад, – а то мы подумаем, что ты нам не рад.

– Рад.

– А глаз у тебя просто так дергается?

– Иди на фиг.

– У тебя просто своих нет, вот и завидуешь.

– Предлагаю оставить на него весь выводок и дружно свалить, – выдает Ярослава, нагло улыбаясь, – приедем завтра.

В отличие от скромной Вероники, этой оторве все ни по чем. За словом в карман не лезет, не стесняется и знает чего хочет. У нее не забалуешь и не соскучишься. Как раз такая и нужна, чтобы Влада в узде держать.

Я весь вечер наблюдаю за этими парами. Как они общаются, как дополняют друг друга. Шумный раздолбай Влад и стальная ироничная Ярослава, строгий Артур и мягкая Вероника. Разные и вместе с тем, как одно целое.

Потом вспоминаю Эльвиру, которая не смогла сегодня к нам присоединиться по причине крайней занятости, и не понимаю, у нас так же или нет? Мы ведь похожи. И на одной волне. Вроде дополняем и подхватываем.

Вроде...

– Вы когда присоединитесь? – бестактно спрашивает Артур, указывая на детей, и мне хочется запустить в него стаканом. Прекрасно знает, что терпеть не могу такие вопросы, но продолжает, – пора уже.

– Ты еще скажи про часики, которые тикают.

– Тикают. Эльвира-то у тебя еще молодая, хоть куда. А вот ты – старпер.

– Ты тоже, – напоминаю ему, – мы, если что, в один день родились.

– Я уже свою социальную миссию выполнил.

– Все, отвалите от меня.

Мы с Элей как-то обсуждали детский вопрос и пришли к выводу, что не горит. Ни у меня, ни у нее.

– Вы еще просто не созрели, – со знающим видом выдвигает Влад.

В него тоже хочется швырнуть стаканом. Нашелся тут зрелый.

– И не созреют, – тихо и абсолютно спокойно добавляет Вероника и снова отворачивается к детям.

А мне почему-то не по себе. Царапает и ее тон, и ее взгляд. Будто она знает что-то чего не знаю я. Или не понимаю. Или не хочу понимать. А может она просто настолько меня не любит, что уверена, что такие как я вообще не должны размножаться.

– Кстати, ты же хотел на ней жениться?

Как они меня задолбали.

– Куда торопиться?

Я действительно хотел. Даже снова сделал предложение, подарил кольцо с булыжником, который стоит как самолет. И дальше этого дело не пошло, все какие-то причины находились, чтобы отложить. То одно, то другое и вот уже который год, мы в статусе жениха и невесты.

– Дождешься, сбежит от тебя Эля. Где ты еще такую найдешь?

Снова жму плечами. На самом деле, я уверен, что никуда она не денется. Что это такая же константа, как заставка на экране моего рабочего компьютера.

Только когда гляжу на брата с семейством и на Швецовых, мне не дает покоя один вопрос. Будем ли мы с Эльвирой когда-нибудь вот так, душа в душу? Или уже достигли предела и наш удел – спокойная река. Холодная, с каменными берегами и идеально ровным дном?

Внезапно до меня доходит, почему они все меня так бесят. Я им завидую.

Знаю, что путь розами не выслан. У Влада с Яськой все сложно было – и расставались, и враждовали. Про Артура с Вероникой вообще молчу – там фильм ужасов, драма и триллер в одном флаконе.

И тем не менее они вместе. Преодолели все трудности, вскарабкались на свой собственный Эверест и счастливы. А у меня никак не получается понять, счастлив ли я.

Я настолько привык жить в строгих рамках и все держать под контролем, что начинаю вообще сомневаться в существовании этого самого счастья.

Мне с Эльвирой удобно. Она идеальна. Все у нас правильно, все, как я хочу. Я доволен. Можно ли считать это счастьем? Наверное, да. Только что делать с нелепым ощущением, будто это совсем не то, что нужно на самом деле...

Дурак я. Вот что мне не так? Жил себе прекрасно и не парился. Что случилось, раз начал задаваться такими идиотскими вопросами?

Хотя, знаю что.

Вернее кто.

Я все продолжаю думать о рыжей, которая уже не рыжая. Перебирать в памяти нашу мимолетную пустую встречу.

Интересно, она узнала меня? Наверняка узнала. Тогда почему ничего не сказала?

А зачем ей, собственно говоря, это надо? Расстались мы не очень красиво, времени прошло немало. У меня своя жизнь, у нее своя. Я с Эльвирой, а Лерке кто-то дарит цветы. Все логично. Но почему-то сегодня логика не радует. Я жалею, что не узнал ее сразу, не столкнулся с ней взглядом. Она бы наверняка снова сказала какую-нибудь глупость, от которой у меня повалил пар из ушей. Я бы потом несколько дней кипел и переваривал. Не выдержал бы и приехал...

Стоп!

Просто стоп и все! Это запретная тема. Давно пройденный этап.

С трудом вытряхиваю Вознесенскую из своих мыслей. Три года назад я сам от нее избавился и поставил точку. Теперь не время думать, а что было бы если. Прошлого не вернешь. Да я и не хочу ничего возвращать. Это была просто мимолетная ностальгия.

Глава 3

Ностальгия оказалась сильнее, чем я думал.

Поэтому следующим вечером я снова сижу в машине возле крыльца турагенства и гипнотизирую взглядом входные двери. И сам не могу себе ответить, какого фига делаю. Почему не могу просто отвернуться и забыть.

Это сильнее меня. Все мои доводы логики и здравый смысл разбиваются об иррациональное желание увидеть ее. Просто посмотреть.

Тошнит от самого себя. Но пересилить собственное безумие не могу. Сажу. Жду. Жадно кидаясь взглядом на каждого, кто появляется в дверях. Рыжей все нет.

Я все еще называю ее рыжей, хотя она теперь блондинка... Время прошло, все изменилось, а перед глазами все тот же огненный Ежик, который сует фак мне в окно. Как я тогда злился. Думал: поймаю, утоплю в ближайшей луже.

Аж пупок от воспоминаний поджигается...

Минуты тянутся бесконечно долго, и я уже изнываю от нетерпения. Где же ты, моя шальная? От этой мысли меня аж подкидывает на сиденье. Скриплю зубами. Что за дурь? В каком месте она моя?

Еще пять минут безвозвратно потеряны. Надо уезжать. А я все равно не могу. Жду.

Еще пять минут. Звонит Эльвира, а я ее игнорирую. Потом снова игнорирую. А затем и вовсе скидываю очередной звонок.

Еще пять.

В животе скручивается колючая спираль. От нетерпения ломает словно наркомана без дозы. Собственное бессилие бесит. Ведь не позвонишь и не по торопишь. Я теперь просто сторонний наблюдатель.

Наконец, двери распахиваются, и на крыльцо выходит сначала та женщина, которая оформляла нашу с Эльвирой поездку, а за ней Лерка. С очередным букетом.

В этот раз это огромные ромашки. Что за романтический бред? Меня корежит. То ли от злости, то ли от ревности, то ли просто потому, что я дурак.

Прежде чем разойтись по разные стороны, они останавливаются прямо перед моей машиной. Хозяйка выдает ЦУ, а Вознесенская внимательно слушает, кивает. Они так близко, что у меня есть возможность рассмотреть ее во всех деталях. Белые волосы, губы, которые она сосредоточенно кусает, хмурую складку между бровей.

Я все жду, когда она почувствует мой взгляд и обернется. Я хочу, чтобы она обернулась. Хочу ее внимания. Только в этот раз глухо как в танке. Она ничего не чувствует и в мою сторону даже не косит. Рядом, но будто за каменной стеной.

А у меня не хватает пороку выйти и первым с ней заговорить. Потому что это дорога в никуда. Просто сижу, смотрю, не шевелюсь. Спираль в животе ослабла, но горечь на языке усиливается с каждой секундой.

Еще пара минут, и они прощаются. Начальница идет на парковку, а Лерка бредет прочь, прижимая к груди эти проклятые ромашки. Я снова провожаю ее взглядом до тех пор, пока она не скрывается за углом и, кажется, даже не дышу. Мне почти больно.

В голове странный туман, в котором еле перекатываются вареные мысли. Меня не волнует ни тендер, ради которого мы с братом сейчас жилы рвем, ни предстоящие встречи, ни все остальное. Какая-то апатия.

Я продолжаю сидеть, уставившись в одну точку на приборной панели, и у меня никак не получается собрать себя воедино. Что-то где-то дало сбой. Барханов поломался.

Из этого состояния меня выводит телефонный звонок.

Снова Эльвира. Я смотрю на ее фотографию на экране и не чувствую ровным счетом ничего. Пустыня. Звонок скидывается и тут же начинается снова. Надо ответить, но как же не хочется. Ничего не хочется.

– Да? – я все-таки жму зеленую кнопку и устало откидываюсь на спинку.

– Привет, – из динамика доносится мягкий голос. Такой привычный, знакомый. Приевшийся.

– Привет, – у меня нет сил взять себя в руки и изобразить если уж не радость, то хотя бы скупую заинтересованность. Мне пофиг.

Она чувствует, что что-то не так, поэтому замолкает.

– Все в порядке?

– Да.

После моего ответа снова молчание. И я не делаю ничего чтобы его разбить.

– У тебя точно все хорошо?

– Да-да. Просто...занят.

Я ненавижу врать и оправдываться, но в этот раз лживые слова сами слетают с губ. И мне не жалко.

– Оторвала от работы?

– Немного.

Самую малость. Я как раз был занят ничего не деланьем и тупым рассматриванием пыли на приборной панели.

– Извини, милый.

Почему она постоянно зовет меня милым? Во мне вообще ничего милого нет. Просто циничная сволочь, которая даже сейчас думает о чем-то другом. Вернее, о ком-то.

– Я подумала, может ты меня сегодня заберешь? Сходим куда-нибудь, поужинаем?

Тошнит от одной мысли о том, что придется изображать заинтересованность, разговаривать и делать вид, что не все равно.

– Прости. Не сегодня. У меня реально...много дел.

– Понятно, – расстроено тянет она, – опять вернешься поздно?

– Не вернусь.

В трубке озадаченная пауза. Я понимаю, что слова прозвучали грубо и как-то неоднозначно, и на миг испытываю какое-то неуместное облегчение. Словно наконец вывалил то, что давно пряталось внутри.

– В смысле?

– Завтра к семи надо быть в офисе. Важная встреча. Поэтому останусь на квартире, чтобы не тащиться за город.

Сплошное вранье. От и до. Нет никакой встречи, мне просто хочется побыть одному.

– Мне приехать? – неуверенно предлагает она.

– Не надо, Эль. Я сегодня собеседник так себе. Злой, замученный и уставший.

– Ничего. Потерпи немного, – она меня еще и утешает, – Еще несколько денечков и отправимся к морю.

– Жду не дождусь, – криво усмехаюсь я, – ладно, мне пора. Звони, если что.

После разговора становится совсем мутно. Ощущение что все не то и все не так усиливается. Я реально устал. И это не физическая усталость трудоголика, а что-то более глубокое и угнетающее.

Напиться что ли?

Я не знаю сколько еще сижу и медитирую, гоняя в голове всякую фигню. Меня приводит в чувство жесткий стук в окно со стороны пассажирского сиденья. Я недовольно оборачиваюсь... и не могу сказать ни слова.

Потому что это Ежик.

Она смотрит на меня без единой эмоции, потом, подняв брови, кивает на дверь, требуя, чтобы пустил в машину. Я туплю. И только после того, как она кивает второй раз, торопливо жамкаю по кнопке разблокировки дверей. Словно умалишенный, таращусь на нее, пока Лерка забирается с салон. Садится, небрежно кидает ромашки на приборную панель и оборачивается ко мне.

Я как никогда до этого радуюсь тому, что научился держать каменную морду. Уверен, что на моем лице не отображается ровным счетом ничего, хотя за грудиной такое кипит, что словами не передать. Я даже теряюсь на мгновение, потому что отвек от таких эмоций. Они меня оглушили.

Смотрю на ее физиономию. Все такая же, с россыпью мелких веснушек. Ресницы длинные, пушистые. Губы большие, трепетные. Перехватив мой взгляд, она их недовольно поджимает, вызывая желание прикоснуться пальцем. Обвести контуры, оттянуть нижнюю губу, выпуская ее на свободу.

Конечно, не прикасаюсь. Потому что я взрослый мужик, которому такие глупости на фиг не сдались. А еще, потому что опасаясь за свои пальцы. Оттяпает, проглотит и не моргнет.

– Чего тебе надо, Демид? – выдает, как всегда, нагло.

Криво усмехаюсь. Ежик такой Ежик.

– Мне?

Чувствую себя идиотом, которого поймали на месте преступления, но он продолжает отпираться.

– Ну, а кому еще?

– Это ты села в мою машину, а не наоборот.

Лера удивленно поднимает брови:

– Думаешь, я не заметила, как ты тут в пятницу сидел и пялился на меня?

Вот зараза... Чувствую себя еще большим идиотом.

– Решил в сталкеры заделаться?

– Мне, по-твоему, делать больше нечего?

– Это ты мне скажи, – взгляд у нее прямой. Холодный.

– Что ты сделала с волосами? – задаю тот вопрос, который не дает покоя с момента нашей новой встречи.

– Что не так?

Вопросом на вопрос. Снова холод в глазах.

– Рыжая ты мне нравилась больше.

– Знаю. Поэтому и убрала.

– Назло?

– Нет. От мусора избавлялась.

До меня постепенно начинает доходить, что ни черта она не такая же, как и прежде. Жестче стала, взрослее. Раньше не мог просчитать ее поступки, потому что дичь творила несусветную, теперь же не могу прочитать, потому что закрыта.

Чего-чего, а закрываться Вознесенская точно не умела. Пожар, цунами, брачные игры розовых пони – все как на ладони было. Теперь нет. Теперь она...чужая. Я не чувствую от нее привычного отклика и от этого поднимается дурацкое, обиженное разочарование. Будто ждал конфету, а ее нет, отдали другому.

– Ты так и не сказал, что здесь делаешь.

Я молча рассматриваю ее, испытывая какую-то дикую тоску. Мне чертовски не хватает того, другого Ежика.

– Я не знаю, – жму плечами, – просто увидел тебя снова и захотелось...посмотреть поближе.

– Без проблем. Смотри, – поворачивает лицо в одну сторону, потом в другую, – ну как? Все в порядке?

Она меня бесит.

– Так себе.

– Прекрасно, – пропускает мимо ушей мою убогую шпильку, – теперь, когда твое любопытство удовлетворено, я надеюсь, что ты уедешь и больше никогда не появишься на моем горизонте.

Посылает она, как и прежде, с душой. Хоть это не меняется.

– А то что?

– Да ничего, Демид, – Лерка разводит руками, – просто ничего. Ты мне не интересен. Я не хочу тебя видеть. Вспоминать прошлое – тем более.

– Думаешь, я хочу? – цежу сквозь зубы.

– Понятия не имею, чего ты там хочешь. Но меня это не касается. Поэтому будь добр, не появляйся тут больше. Не следи за мной, – она поднимает указательный палец, обрывая мой протест, – мне это не нравится. Иди к своей Вобле...Или как ее там. А меня просто оставь в покое.

Говорит, а на лице ни одной эмоции. В глазах пусто. Мне даже хочется ее встряхнуть, чтобы разозлилась. Не хватает той самой дури, которая раньше кипела и безудержно выплескивалась наружу.

– Ты переоцениваешь...

– Да-да, я помню, – бессовестно перебивает и щелкает замком, – надеюсь, мы поняли друг друга, и я больше не увижу тебя тут?

И ведь не шутит. Никакого кокетства, никаких игр. Холодная просьба. Что ж так тяжело дышится, а?

– Конечно, не увидишь, – я снисходительно хмыкаю. Вполне искренен, и даже верю самому себе, – любопытство удовлетворено.

– Вот и чудесно, – Лера скупно улыбается, – счастливо оставаться.

Руку на отсечение даю – она облегченно выдохнула. Будто избавилась от досадной проблемы. Это царапает.

– Цветы забыла! – напоминаю, когда она уже на улице и хочет закрыть дверь.

– Дарю. Тебе они нужнее, – не оборачиваясь, фыркает и уходит.

А у меня внутри не пойми что творится. Злюсь, бешусь, задыхаюсь от иррационального бессилия и разочарования. Мне не понравилась наша встреча. Я после нее в полном раздрае и чувствую себя обделенным.

Я ждал другого. Других слов, других взглядов, а получил только холод.

Хотя с чего должно быть иначе?

Все правильно. И Лерка молодец, что не начала жевать сопли и рыдать у меня на груди. Но, черт подери, почему так тошно? Мне кто-нибудь может это объяснить?

Смотрю на ее ромашки. Они меня раздражают самым фактом своего существования. Стаскиваю их с приборной панели, сдуваю насыпавшуюся желтую пыльцу и пестики-тычинки, обвалившиеся с цветов.

Засранка! Специально ведь кинула!

Внутри букета торчит карточка, украшенная до тошноты банальными сердцами и плюшевыми медведями. Конечно, я ее достаю и читаю.

«Самой прекрасной девушке на свете. Считаю минуты до нашей встречи. Твой А»

Руки оторвать этому А. И ноги. И то, что между ними. Что это вообще за романтическая бредятина? Я уже хватаюсь за телефон, чтобы связаться с безопасниками и натравить их на Вознесенскую. Узнать все про нее, про этого неведомого А.

Еле останавливаюсь. Бью себя по рукам и откидываю мобильник на сиденье. Нельзя! Бессмысленно! А я не делаю того, в чем нет смысла. Я, мать его, оплот логики и здравомыслия!

Срываюсь с места, но возле мусорных бачков бью по тормозам и вышвыриваю в них дурацкие ромашка.

Лерка снова вывела меня из себя, но похоже теперь ей на это совершенно плевать.

Глава 4

О-о-о, как меня трясет. Мои бедные рученьки и ноженьки ходят ходуном, а зубы стучат так, что слышно на другом конце улицы.

Я видела Барханова. Барханова, мать его! На расстоянии вытянутой руки. Сидела рядом с ним, дышала одним воздухом. Если бы захотела – могла прикоснуться. Ну или по крайней мере отхлестать веником по морде.

Я честно пыталась уйти и сделать вид, что не заметила его. Ладно, первый раз удалось – в пятницу для себя решила, что он что-то забыл в агентстве или ждет свою сушеную даму сердца. Но сегодня, меня аж потрянуло, когда увидела его у крыльца.

Он реально думал, что не замечу? Или что настолько тупа, что не смогу понять, что это он, потому что машина новая, незнакомая? Так я не то, что поняла, я почувствовала, каждой клеточкой, еще до того, как увидела. Перетряхнуло так, будто к проводам подключили и двести двадцать врубили.

Уже почти ушла. Даже до остановки добралась и была готова забраться в маршрутку, но не смогла. Вернулась. Потому что надо было сказать, надо было поставить точку, пока она не расплзлась муторными многоточиями.

Вроде удалось отыграть роль каменной стервы? Удалось ведь, да? Я старалась изо всех сил, несмотря на тот бедлам, что творился внутри. У меня такого гремучего коктейля в жизни не было. Когда идиотская радость, смешивается с ненавистью и желанием убивать. Все это поверх совершенно неуместного томления внизу живота и трепещущих коленок.

Но всю эту чушь перекрывал страх, что он узнает про Макса, и тогда наступит Армагеддон. Только сын и позволил удержаться на плаву.

Когда мы с Демидом расстались я долго думала, говорить или нет о ребенке. Не сказала. Потому что не доверяла. Чего ждать от мужчины, который привык всех прогибать под себя? Он бы меня наизнанку вывернул, а потом бы равнодушно смел останки под коврик и пошел дальше. Я и так еле пережила наш разрыв. Столько слез, столько боли и обиды – хватит на всю оставшуюся жизнь.

Поэтому промолчала. Чтобы защитить себя, свою семью, ребенка. Может, это была ошибка? Не знаю. Но выбор сделан и отступить поздно.

Когда выбираюсь из его машины, у меня пластилиновые ноги и хребет. Кажется еще немного и стеку на асфальт. Но иду. Упорно шагаю вперед, не позволяя себе оборачиваться, хотя чувствую, что он смотрит.

Зачем он смотрит?! Какой смысл смотреть сейчас, когда столько времени прошло? И ничего не изменить?

Ухожу. Не оборачиваясь. Как когда-то ушел он.

– Лерка, что опять натворила? – спрашивает мама, когда я возвращаюсь домой, – на тебе лица нет.

Мне не очень хочется говорить про Демида, но помню, чем мое молчание обернулось в прошлый раз, поэтому признаюсь:

– Я видела отца Макса.

Мама аж кружку роняет.

– Лера!

– Что? Его Вобла пришла к нам в агентство, а следом и он сам появился!

Она смотрит на меня, подозрительно прищурившись:

– То есть он сам нарисовался, а не ты на его поиски отправилась?

– Я, по-твоему, совсем с головой не дружу?

– Ох, Лерочка, – мама собирает осколки разбитой кружки, – можно я не буду комментировать этот момент?

– То есть, по-твоему, я тупая? – опускаюсь рядом с ней на колени и начинаю помогать.

– Нет, солнце. Ты шальная. И сама это знаешь.

Знаю. Отрицать глупо. Если есть что-то, что можно сделать наперекосяк, я непременно это сделаю.

– Он тебя узнал?

– Узнал.

Я рассказываю ей о том, как Барханов два дня сталкерил возле моей работы, и о том, как сегодня не выдержала и сама к нему подошла.

Мама хмурится и тяжело качает головой.

– Не нравится мне все это. Как бы не начал твой благоверный обратно клинья подбивать.

– Пусть чего хочет подбивает, – сердито соплю себе под нос, – мне все равно.

– Да, милая, – мама покладисто кивает, – а щеки у тебя просто так горят. От злости, наверное.

– От нее самой!

Конечно, злость есть. Но и всего остального хоть отбавляй.

Боже, меня будто отшвырнуло на три года назад, когда от одной встречи с Бархановым трясло и ломало. Я думала, что уже пережила это, переболела. Что я уже большая и сильная.

Ни черта подобного. Девочка внутри меня рыдает. Не от желания быть с ним – с этим давно покончено. Я скорее в тайгу уеду, чем позволю ему приблизиться и снова сделать больно. Просто ей очень грустно и обидно, а еще она не может справиться с беспокойным сердцем.

– Что будешь делать?

– Не знаю, мам. Я просто надеюсь, что после сегодняшнего разговора он больше не придет.

Она неопределенно ведет плечами:

– Кто его знает, Лер. Не хотел бы придти – не стал бы тебя караулить. А так... Всякое может случиться.

Я не хочу об этом думать. Мне страшно, что он решит покопаться в моем прошлом и узнает про ребенка.

– Может, мне замуж выйти? За Леху, или Игната, или еще кого-нибудь? – спрашиваю, садясь за стол и, уныло подпирая щеку рукой, – что скажешь?

– Возвращаемся к тому этапу, на котором выяснили, что ты шальная, – усмехается мама, – ты мне скажи, зачем тебе муж? Только чтобы Барханова твоего отпугнуть? Так он вряд ли испугается. Матерый.

– Я устала, – складываю руки на столе и утыкаюсь в них лицом.

– Может еще обойдется, – мама пытается меня взбодрить, но выходит как-то неуверенно, – в любом случае, бежать и прятаться нет смысла. Захочет узнать – узнает.

– И что тогда?

– Вот там и будем разбираться. Не переживай.

Вообще не утешила. Как тут не переживать, когда прошлое снова ворвалось в твою жизнь и грозит ее разрушить? Я радуюсь только тому, что Максим пока в деревне и вероятность того, что Демид увидит меня с сыном – нулевая.

– И потом, – родительница усаживается напротив меня, – даже если он узнает про ребенка, вряд ли подумает, что от него. Барханов у тебя какой?

– Не у меня...

– Не важно. Он брюнет. А Максеньш у нас блондинчик голубоглазый. Так что, не все так страшно.

Может быть. Но я уже ни в чем не уверена.

Мы ужинаем. Мама что-то лопочет, а я отвечаю невпопад и торможу. Стыдно признаваться, но я до сих пор там, в машине. Сажу напротив Барханова и не могу насмотреться.

На следующий день в нашем офисе аврал. Можно подумать, полгорода внезапно собралось куда-то ехать и именно от нас. Я не против. Наоборот, очень даже за, потому что в голове щелкает калькулятор, подсчитывая зарплату, которая поджидает меня в конце месяца. Это вдохновляет и, несмотря на усталость и осипшее горло, в сотый раз повторяю клиентам отличие пляжей одного побережья от другого. Мониторю, рассылаю предложения, бронирую. В редкие моменты перерыва смотрю в окно, чтобы отдохнуть от монитора, а потом все заново.

Такая загруженность спасает от дурацких мыслей, которые преследовали меня со прошлого вечера. И все они про Барханова. Тяжелые мысли, иногда обидные, иногда тягуче-острые, иногда настолько яркие, что причиняли боль.

Я очень надеялась, что после вчерашнего разговора Демид оставит меня в покое. Пусть рассердится. Как всегда, обдаст холодом и уйдет, выкинув на обочину, как это сделал в прошлый раз. Я сильная. По крайней мере надеюсь, что стала сильной за эти годы. Если не ради себя, то ради Макса. Так что переживу, тем более сейчас, когда ничего кроме мимолётной встречи и флешбеков между нами нет.

Пусть уходит. Пусть оставит меня в покое. Я очень на это надеюсь. Очень-очень.

Но увы...

Ближе к вечеру, когда до конца рабочей смены остается всего пару часов, к нам в офис постучались. Мы с девочками как по команде повернулись к дверям, ожидая, увидеть очередного клиента, но это курьер. С большим букетом.

– Это к ней, – Светлана даже не интересуется, кому по документам предназначен веник, и сразу направляет к моему столу.

– Валерия Вознесенская?

– Она самая, – отвечаю, а сама не могу отвести взгляд от цветов.

Потому что с ним что-то не так. Это не милые ромашки от Лешки, и не крафтовые букеты от Игната, в которых каждая веточка и цветочек несут сакральный смысл. Нет. Это розы. Темно-бордовые. Идеальные. Бутон к бутону в строгом порядке. Роскошные. У них даже упаковка выглядит так, будто ее делали в дизайн-студии «Дорого-богато».

Поперек горла встает ком. Горький и ледяной. Он на мгновение душит меня, потом проваливается в желудок, вымораживая изнутри.

– Распишитесь, – курьер вручает мне цветы и подсовывает планшет с фирменным бланком. На нем тисненым золотом выделяется логотип в виде лисы.

Непослушными пальцами я цепляю ручку, которую он мне протягивает, и ставлю неуклюжую, корявую подпись.

– Хорошего вам дня, – он улыбается, забирает у меня документы и, распрощавшись со всем коллективом, уходит.

– Ох, Лерка, вот это я понимаю, шик, – тянет начальница, рассматривая цветы, – на него даже смотреть трепетно. Это как произведение искусства. Классика. Моя внутренняя богиня за такой букет простила бы любые прегрешения.

Я никогда не прощу Демида. Ни за что!

Смотрю на крупные тугие бутоны и чувствую, как в животе все покрывается коркой льда. Знаю, что это просто цветы, но они выглядят...хищными. Будто сами по себе заявляют на меня права. Я их боюсь. Вернее, не их, а того, что может за ними последовать.

– Не томи же! – влезает Юлька, – от кого на этот раз?

Я знаю, что карточки внутри не обнаружу, но все равно заглядываю глубже и тут же ойкаю, потому что палец напарывается на острый шип.

Проклятье.

– Нет тут ничего! – ворчу и как маленькая тяну палец в рот, чтобы слизать крохотную каплю крови.

– Как думаешь, кто это? Лешик или Игнат? – у девочек снова начинается тотализатор. Им нравится гадать, кто на этот раз прислал мне цветы.

– Э, не-е-ет, – усмехается Светлана, – это кто-то другой. Серьезный. Кто-то кто знает, чего хочет.

От ее слов у меня немеют колени.

– Глупости...

– Не-не, Лер. Можешь не отрицать. Леха твой – как хомячок, всякие лютики-ромашки таскает. Игнат, как павлин, выпендривается много, поэтому от него можно ждать синих гладиолусов. А это... Это букет от большого зубастого волка.

Настолько зубастого, что может одним щелчком перекусить пополам и бросить подышать в луже собственной крови. Уж я-то знаю.

Пока все восхищаются изысканной красотой и лаконичностью букета, я наливаю ведро воды и несусь туда цветы, держа их на вытянутых руках. Боюсь, что укусят.

Дальше работать становится сложнее, потому что те мысли, которых я так удачно избегала все утро, внезапно вырываются из-под контроля. Я торможу. То и дело смотрю на темные, словно кровь бутоны и задыхаюсь. От страха, что теперь Демид не оставит меня в покое. А еще от чего-то темного, тягучего, коварной поступью ползущего по коже. Эта тьма тянется к нему, жадно облизывается и нашептывает, утягивая все глубже в свое безумие.

Сердце пульсирует. Гулко, тяжело.

Меня настолько пугает собственная реакция, что хочется забиться в угол и скулить. Я ведь не сидела все эти годы взаперти, оплакивая свою первую любовь. Пыталась забыть, встречалась с другими. Даже, кажется, влюблялась. Но никогда...ни разу меня настолько не штормило от простого букета.

Надо избавиться от этих цветов!

И вскоре мне предоставляется возможность это сделать.

Почти перед самым закрытием к нам приходит солидная пара преклонного возраста. Ими занимается сама Света, быстро генерируя идеи и подбирая варианты. Мужик ворчит и дует губы. Ему все не так. Тут песок не такой белый, там номер на такой большой, а здесь питание без изысков. Жена у этого ворчуна мягкая и ласковая. Со словами «да-да, милый, ты абсолютно прав», тихо кивает Свете, соглашаясь на бронирование.

Мне нравится эта умиротворенность. Поэтому, перед тем как они уходят, я вскакиваю со своего места, хватаю букет и протягиваю ей.

Она в недоумении смотрит на розы, потом на меня.

– Это вам! Вы... наша юбилейная посетительница, – приходится выдумывать на ходу.

Она очень мило краснеет и со смущенной улыбкой забирает розы:

– Спасибо, это так неожиданно...и так приятно, – принимает, блаженно прикрыв глаза.

– А мужчинам, что положено в таком случае? – тут же влезает муж.

М-да, от такого цветов вряд ли дождешься.

– Мужчинам – хорошее настроение их прекрасных жен, – насмешливо выдает Юля.

Он недовольно фыркает и первым выходит из офиса, а жена идет следом. И на ее губах все-так же блуждает счастливая улыбка.

Вот и хорошо. И женщину порадовала, и от хищного букета избавилась. Даже дышать стало легче.

– Без комментариев, – предупреждаясь вскидываю руку, видя, что девочки уже готовы наброситься на меня с вопросами, – Мои цветы – что хочу, то и делаю. Так надо!

Да, так надо. И так правильно.

Глава 5

После вчерашней встречи с Вознесенской у меня такое ощущение, что мир перевернулся с ног на голову. Раньше я ее щелкал по носу и ставил на место, а в этот раз мы будто поменялись ролями: наивный дурак-Демид и стерва-Лерочка.

Честно? Обалдел. Полвечера пришибленный ходил и думал об этом.

На ночь домой не поехал, снова остался в квартире. Мне категорически не хотелось ехать загород, потому что там суетилась Эльвира, собирая вещи на курорт. Она мне весь день слала фотографии новых купальников, парео и прочей фигни. И спрашивала: «Ну, как? Тебе нравится?»

Да никак, вашу мать! Ни-как! Мне все равно. Мысли заняты совершенно другим и меня гораздо больше волнуют ромашки от некого А, которые вчера были у Лерки. Они настолько меня цепляют, что ночью даже снятся. Будто я в тулупе на рынке торгую этими самыми ромашками. Идиот.

В общем, покупаю розы. Заказываю и отправляю с курьером. Пусть хоть на нормальные цветы посмотрит, полюбуется. А еще мне чертовски хочется перебить образ с ромашками, который отпечатался на подкорке, и заменить его на другой. Тот, где она будет с моими цветами. Поэтому снова отправляюсь к турагентству.

В этот раз я умнее. Еду к ней на служебной машине, о существовании которой Вознесенская точно не знает. И сижу на заднем сиденье, где стекла затонированы наглухо. Даже если вплотную подойдешь – не увидишь того, что происходит в салоне.

Снова наблюдаю, уже не задаваясь вопросом, зачем мне это надо.

Надо! Точка!

Сижу, жду, нетерпеливо постукивая пальцами по подлокотнику. До закрытия остается, наверное, минут десять и Лерка должна вот-вот появиться. Внутри предвкушение. Острое, с пикантными нотами. Я испытываю азарт. А еще мне интересно, догадается ли она, что я снова здесь.

Кажется, пора лечиться. Потому что стоило только Вознесенской появиться на горизонте, как у меня снова активировался режим шибанутого оленя.

Жду.

Отсчитываю секунды.

Предвкушаю.

...А потом двери открываются и на порог выходит какой-то старый хрен с пузом, а следом за ним пышная румяная женщина с МОИМ БУКЕТОМ!

У меня дыхание перебивает. Смотрю и ни черта не понимаю, что происходит.

Какого...Вашу ж...Да ёп... Слов нет. Одни междометия.

Эта рыжая...нет белобрысая зараза, отдала цветы какой-то левой тетке? Это вообще нормально?

Я на грани того, чтобы начать убивать. Еле сдерживаюсь, чтобы схватить телефон и не позвонить этому в край обнаглевшему Ежу. Впрочем, нужды в звонке нет, потому что причина моего нервного затмения тоже появляется на крыльца. Вместе со своими коллегами из турагентства.

Я наблюдаю, как все они, включая мою головную боль, забираются в машину к начальнице и уезжают.

Зашибись день.

Меня колбасит и, я понятия не имею, как с этим справиться. Эмоциональный перегруз. Снова еду на квартиру, уже совсем невежливо отмахиваясь от Эли. Запарила. Мне еще две недели с ней на одном острове сидеть.

Оказавшись дома, первым делом залезаю под ледяной душ, в надежде, что он с меня всю дурь смое и поможет успокоиться.

Как бы не так. Все равно крутит. Перед глазами тетка эта с моими розами. Я их для Ежика выбирал! А не для какой-то...

Бесит.

Настолько, что я все-таки не выдерживаю и звоню ей.

Лера отвечает не сразу и ее голос звучит холодно и настороженно:

– Демид?

– Ну а кто еще!

Тяжкий вздох в трубке.

– Чего тебе надо?

Я не знаю, чего мне надо. Сам не понимаю. И это капец как напрягает, потому что я привык целиком и полностью контролировать свою жизнь, просчитывая каждый шаг наперед.

Жизнь рядом с Леркой просчитать никогда не удавалось. Она моя аномалия. Мой Бермудский треугольник, в котором сбиваются все привычные ориентиры.

– Ничего...До меня тут дошли слухи, что мои цветы ушли какой-то тетке.

Боже, я жалок. Звоню телке, чтобы узнать, почему ей не понравился букетик. Вот не плевать ли?

Не плевать... Потому что это не телка. Это Лера, от которой у меня, как и прежде едет крыша.

– Снова следил?

– Мне больше делать нечего? Просто птичка на хвосте принесла.

Я еще и вру... Докатился.

– Понятно, – недовольно протянула она.

Я слышу, как у нее льется вода из душа. И память сразу рисует ее почти голую, в моей футболке, невменяемую и растрепанную. Наверное, именно в тот момент я на нее и подсел. Или это произошло раньше, когда она мне показала средний палец?

Эх, я и олень

– Так что насчет цветов?

– Ничего. Они мне не понравились, поэтому я их передарила хорошей женщине.

– Значит, ромашки тебе нравятся, а розы нет?

– Да. Потому что ромашки были от души.

– А мои цветы значит не от души? – закипаю с каждой секундой все больше.

– Разве она у тебя имеется, Барханов? – фыркает она, – не смейся. В тебе есть встроенный калькулятор, морозильная камера и асфальтоукладчик. Так что для души места увы не остается.

– Шутница из тебя такая себе, слабенькая.

– Разве я сейчас шутила? Нет. Как и вчера, когда просила оставить меня в покое. Мне не надо ни цветов, ни твоего внимания. Просто исчезни, – произносит настолько серьезно, что у меня екает где-то под ребрами.

И пока я туплю, не зная, что сказать и как поставить ее на место, Лерка отключается. Просто берет и, не прощаясь, сбрасывает звонок.

Вот и поговорили.

Встаю с дивана и снова иду под ледяной душ.

На следующий день я ползу на работу, как злой, полуразложившийся зомби. Я не выспался. Полночи смотрел в потолок, а в те скудные моменты, когда все-таки удавалось заснуть, мне снились не сны, а воспоминания. Прокручивалось то, что было у нас с Леркой. Самые яркие моменты.

Только я был не участником этих воспоминаний, и видел все со стороны.

Ее, яркую, рыжую, смеющуюся над дурной шуткой. Нелепо одетую. Наглуую. И себя. Вечно с кислой мордой и при полном параде. Эта парочка в моих воспоминаниях выглядела нелепо. Будто обломок вечной мерзлоты и кусочек шального солнца. Но все равно сердце заходило от какой-то иррациональной тоски, и я просыпался. Чтобы снова пялиться в потолок.

На работе все по-прежнему. Цифры, деньги, встречи, переговоры, снова цифры, договора. Сплошная круговерть, в которой я обычно чувствую себя, как рыба в воде. Но только не сегодня. У меня давит в груди и шумит в голове. Я никак не могу вернуться в рабочее состояние. И вместо того, чтобы с головой нырнуть в бешеный океан бизнеса, я то и дело заглядываю в телефон. Проверяю нет ли сообщений от Ежика.

Мне почему-то кажется, что она должна написать. Хоть что-то. Какую-нибудь глупость. Типа, Демид, я решила избавиться от девственности второй раз и для этих целей снова выбираю тебя. Или картинку с Лениным. Или что-нибудь еще. Я хочу этого до красных чертей перед глазами. Чтобы как раньше. Хоть намек на

прошрое.

Даже когда иду на обед ловлю себя на мысли, что еще издали начинаю высматривать конверт на лобовом стекле под дворниками. Его нет. И у меня снова от разочарования тянет в солнечном сплетении.

Так нельзя. Я понимаю это, но легче не становится. Наоборот, с каждой минутой настроение падает все ниже и ниже, пока не достигает самого дна.

– Ты помнишь, что сегодня прием? – спрашивает Артур, когда сталкиваемся с ним в лифте.

– Помню.

Как тут не помнить, если Эльвира с самого утра одолела звонками – где, как, чего, куда, и какого цвета у меня будет галстук. Ведь так важно, чтобы он гармонировал с ее новой сумочкой.

– Что-то не вижу радости в глазах по этому поводу.

Я бросаю кривой взгляд на брата и отворачиваюсь.

– Кто-то не в духе?

– Не в духе.

– Проблемы с Эльвирой.

– Нет.

С ней никогда не бывает проблем. Она идеальная. Всегда, во всем. Лучшая из женщин. Только кто-нибудь может объяснить, почему она меня так бесит в последние дни? Мне домой идти не хочется, потому что она там. Смотреть на нее не хочется. Разговаривать не хочется. Меня не покидает ощущение, будто я все это время притворялся, а теперь устал от маскарада и хочу просто тишины. Эта мысль угнетает.

Я не хочу думать, что все этого из-за Ежика, снова появившегося на горизонте. Потому что это конец всему, что я так долго строил.

– Расскажешь?

– Нет.

Артур поднимает руки в пораженческом жесте.

– Я сделал все, что мог.

– Вот и иди отсюда, – беззлобно огрызаюсь и выхожу из лифта, – до вечера.

Мне не хочется никуда идти. Но я, конечно же, иду. Потому что надо. Потому что работа. Потому что должен. У меня все отлично. Я на вершине, рядом со мной женщина, которая выглядит на миллион. Все, так как я хочу.

Только радости нет. И ощущения того, что живу, тоже.

На приеме все те же лица, как и прежде. Те же разговоры. Тот же изысканный фуршет. Дамы в бриллиантах, мужчины в дорогих часах. Мой круг.

Чувствую себя ленивой акулой, которая неспешно блуждает между привычных затонувших кораблей.

А потом появляется Верхов с молодой девицей. Она высокая и стройная как лань. В ярко-красном коротком платье, которое обтягивает тугую круглую задницу. Ноги от ушей. Улыбка во весь рот и глаза сияют таким неподдельным интересом, что невольно притягивает к себе внимание. Я слежу за ней взглядом, наблюдаю как она неловко перетаптывается с ноги на ногу, когда Верхов ненадолго оставляет ее одну. Как пытается найти общий язык с другими дамами, но у нее не выходит, и тогда она просто машет рукой, отходит в сторону и украдкой таскает оливки. А когда Верхов возвращается, она так искренне радуется, что у меня колет где-то в области копчика.

Нет. Я не запал на чужую незнакомую телку. Я вспоминаю свою. Ту из прошлого. Которую я не взял на такой вот прием, потому что было стыдно.

Верхову не стыдно. Он обнимает ее за талию, притягивает к себе и что-то тихо говорит на ухо, после чего девица начинает смеяться. Так громко и заразительно, что на нее оборачиваются остальные.

– Простите, – смущенно прикрывает рот ладошкой, пытаюсь сдержать смех, но не выдерживает и снова прыскает, а ее кавалер как ни в чем не бывало стоит рядом и тоже улыбается, даже не думая делать ей замечание или одергивать. Наоборот, он выглядит таким счастливым и гордым, что хочется от души вмазать ему по морде.

Он беспечно отбрасывает всех доброжелателей и поборников морали, которые, конечно, не могли не обратить внимание на то, что девочка явно не из нашего круга.

– Я ее сюда привел для того, чтобы она меня радовала, а не вас, – отмахивается он от очередного доброго совета, – так что завидуйте молча.

Не знаю, как остальные, а я действительно завидую. И вдобавок чувствую себя слабаком, потому что никогда не делал ничего чисто чтобы порадовать самого себя. Вечно какие-то рамки, правила, требования. К себе, к окружающим, ко всему к чему я прикасаюсь.

Так, наверное, правильно. Но я меня снова душит ощущение, что я теряю что-то по-настоящему важное в этой жизни.

И это идиотское ощущение не отпускает меня до конца вечера. Меня раздражают практически все присутствующие, кроме «своих». Хотя и свои раздражают. Потому что не могут просто заткнуться и оставить меня в покое.

– О, Дем опять заморозился, – бодро произносит Швецов.

– Отвали, – огрызаюсь, не разжимая зубов.

– Он злой сегодня, – тут же подхватывает брат.

– Он всегда злой, – как бы невзначай роняет жена Влада и тут же отводит взгляд. Дескать, а я что, я ничего. Стерва! Никогда за языком не следит.

– Сегодня особенно злой.

– И что случилось? Кто обидел бедолагу?

На горизонте появляется еще одна стерва. Слишком умная, слишком наблюдательная и слишком зубастая, чтобы ее можно было заткнуть одним взглядом. Потому что смотреть она тоже умеет. Не моргая, по-змеиному, с холодным вызовом и убийственным равнодушием. Так что у всех мужиков в радиусе пяти метров боязливо поджимаются бубенцы.

– Варвара Григорьевна, – Влад усмехается, – я бы на вашем месте близко к нему не подходил. Он не в себе. Кусается и плюется ядом.

Мартыновой, конечно, пофиг. Она только брови насмешливо поднимает:

– А так всегда бывает, когда не можешь получить то, чего хочется. Или кого...

Вот так с разбегу и по шарам. Будто точно знает, куда надо бить. В этом вся Варька. Хотел бы я знать, кто ее этому научил.

Все как по команде поворачиваются в сторону Эльвиры, которая неподалеку беседует с парочкой почтенных дам. Она чувствует наши взгляды и оборачивается. Едва заметно машет нам рукой.

– И я говорю не про эту сахарную карамельку, – с хладнокровной улыбкой Варвара салютует ей минералкой, потом оборачивается ко мне, – Совет нужен?

– Нет!

– Как скажешь, – учтиво склоняет голову, но в глазах насмешка.

Уволю к чертовой бабушке. Хотя увольнением ее не напугаешь. Ее, походу, вообще ничем не напугаешь.

Как ни странно, но от дальнейших бестактных расспросов меня спасает именно Эльвира. Она подходит к нам и все тут же затыкаются. После Варькиных слов

всем становится неудобно. Артур и Влад, как-то синхронно начинают дергать галстуки. Молчаливая Вероника молчит еще сильнее. Ярослава снова включает режим: а я тут вообще ни при чем.

– Как дела? О чем говорите? – Элька не чувствует напряжения. Или делает вид, что не чувствует.

– Обсуждаем, как важно подобрать обувь по фасону и по размеру, – Варька небрежно ведет плечами, – иногда смотришь: туфли красивые, а костюмчику-то и не идут, да и натирают нещадно.

– Ну...хорошая тема, – Эльвира немного удивлена, но подстраивается, – если обувь не подходит, то весь день насмарку может пойти.

– Вот и я о том же, – Варвара расплывается в улыбке, бросает на меня цепкий, холодный взгляд, потом кивает остальным, – сейчас, прошу меня извинить. Дела.

Деловая кобра покидает нас. А разговор никак не налаживается.

– М-да, – внезапно выдает Вероника, – а туфли-то действительно не подходят.

И тоже уходит. Следом за ней отчаливает Артур. Потом и остальные.

В итоге мы остаемся с Эльвирой вдвоем.

– Все странные какие-то. Ты не находишь?

– Всем просто надоело здесь торчать, – я стою, заправив руки в карманы, и исподлобья смотрю на нее. В этот момент яростно ненавижу Мартынову, которая двумя фразами умудрилась разворошить осиное гнездо внутри меня, – пойдём?

– Вечер еще не окончен, – она немного растерянно оглядывается на остальных гостей. Сомневается.

– Хочешь остаться?

– А ты?

– Я устал.

И это чистая правда. Я так задолбался, что хочу просто лечь и уснуть. Желательно один. Но мы вместе едем домой на такси. Она смотрит на мелькающие за окном огни, а я просто откидываюсь на спинку сиденья и закрываю глаза. И не могу выкинуть из головы эти идиотские туфли.

Дома она скрывается в ванной, и я знаю, что это надолго. Пока смоет с себя весь макияж, пока всякие там маски-закваски – пройдет полчаса. Поэтому выхожу на террасу и плюхаюсь на плетеный шезлонг. Надо мной темное летнее небо, усыпанное яркими звездами, где-то в кустах таращится ночной кузнечик. А внутри тошно.

Я стягиваю через голову галстук, комкаю его в кулаке, потом не глядя отбрасываю куда-то в сторону, дергаю пуговицы на рубашке. Сразу становится чуть легче дышать, но все равно тошно.

И похоже от этой тошноты есть только одно лекарство, но оно недоступно.

Не знаю, зачем это делаю, но набираю Леркин номер. Два гудка – скидываю. Чувствую себя полнейшим кретином, потому что не могу контролировать свои дурные поступки. Меня кроет по-черному, навывлет пробивает и мою хваленую выдержку, и все остальное.

«Что за звонки?» – спустя пять минут приходит холодное сообщение.

У меня екает, где-то в горле. Выдыхаю и быстро пишу ответ.

«Ошибка связи»

Просто debil. Д-Е-Б-И-Л. Я не понимаю сам себя. Не узнаю.

«Понятно»

Вот и все. Больше ни слова. Раньше бы написала что-то из разряда «ну ты и рукожоп, товарищ Барханов» или «старость-не радость». Теперь просто скупое «понятно». Отстраненное и холодное. Ежик так резко обозначает границы, что только дурак этого не заметит. Эмоций с ее стороны ноль, отклика – тоже. Чужая.

Я сам этого хотел и добивался. Только почему-то удовлетворения ноль.

Хочется телефон об стену, но вместо этого я ухожу в спальню, и засыпаю еще до того, как Элька выбирается из душа.

Глава 6

Когда телефон в очередной раз дрожит на моем столе, я нервно подскакиваю. В панике смотрю на экран и медленно выдыхаю. Всего лишь Алексей.

Всего лишь...Никаких Серых зубастых волков.

Меня до сих пор потряхивает от вчерашнего звонка Барханова. Я уже валялась в кровати и переписывалась с тетей Ирой, насчет того, как там дела у Максеныша. Смотрела его фортки, на которых он с упоением трескал клубнику, и от умиления и грусти пускала горячую мамкину слезу. И тот Хоба! Барханов! Я аж с кровати чуть не свалилась, и по дурости начала все вкладки закрывать, будто Демид на расстоянии мог увидеть, что у меня в телефоне.

Остановилась только через пару минут. Обозвала себя не хорошими словами. Заново все открыла, потом не сдержалась и написала ему с вопросом «какого...». Оказалось ошибся.

Только что-то верилось слабо, потому что Демид не из тех, кто ошибается.

Тут же стало неудобно, и кровь как-то надсадно запульсировала по венам. Я еще раз прошлась по всем страницам в своих социальных сетях и убедилась, что они закрыты от посторонних. Это, конечно, не спасет. Если он захочет увидеть, что там, то увидит. У него ресурсов и возможностей, как у демона. Поэтому на

всякий случай проверяю фотографии, нет ли где-то упоминания ребенка или беременности, или еще каких-то мелочей, способных раскрыть мой «маленький» секрет.

Пусто. Чисто. На фотографиях я либо все та же шальная девочка «оторви-и-выкини», либо деловая дама. Работа и развлечения. Больше ничего.

И все же я чувствую себя как уж на сковородке, и каждый звонок воспринимаю в штыки.

– Привет, Леш.

– Привет, как дела?

Клиентов в офисе пока нет и девочки сотрудницы тут же замолкают, прислушиваясь к моему разговору. Сороки любопытные. Всем все надо друг про друга знать и все обсудить. Я не сержусь, потому что сама такая же, мельком показываю язык – всем кроме начальницы Светланы – и вздыхаю в трубку:

– Все хорошо, работаю.

– У меня тут...внезапно...образовалось...два билета на концерт, – смущенно путаясь, начинает он, – мы бы могли завтра...может ты хочешь...Хочешь составить мне компанию?

Взрослый парень, а порой, как теленок несмышленный. Лютики, ромашки, прогулки под луной за ручку – это про него.

Мне не хочется никуда идти, потому что завтра выходной и я намеревалась провести его с максимальной пользой. Выспаться, убраться, и навести наконец порядок на своем канале. Подчистить комменты, залить новый материал, навести красоту. Но и обижать этого романтичного и не в меру робкого юношу мне неудобно, поэтому отвечаю уклончиво, оставляя поле для маневра:

– Леш, сейчас не могу сказать. Возможно, будут дела. Важные, семейные. Давай завтра созвонимся и я дам тебе точный ответ.

– Хорошо, – он как-то сник и у меня снова кольнуло между лопаток. Неудобно. Я не люблю, когда мне неудобно.

– Может и получится, – произношу ободряюще и тут же ругаю себя за мягкотелость.

Нельзя давать ложные обещания, если у человека нет шансов. Хотя...может и есть, я еще не определилась.

– Я буду ждать твоего звонка.

– Я позвоню, – изо всех сил киваю головой, – пока.

С тяжким вздохом откладываю трубку и разворачиваюсь к девочкам:

– Давайте уж, начинайте, – обреченно машу рукой.

И они тут же на перебой начинают давать советы, хвалить, ругать, и вообще поднимают такой гвалт, что я ни черта не понимаю. Кто-то хочет, чтобы я с ним пошла, кто-то не хочет, кто-то за вообще за Игната, который тоже мне постоянно названивает.

– А как же тот мужик с дорогими цветами? Почему он не звонит?

Я через силу улыбаюсь:

– Потому что это были просто цветы и ничего больше.

Если Лешку и Игната я без стесненияставляю на всеобщее обозрение и позволяю трепать их, как угодно, то Демид – это табу. Относительно него мне не нужны ни советы, ни порицание, ни наоборот одобрение. Барханов – закрытая тема.

– Жалко. Забавный персонаж.

Ага. Обхохочешься.

Я думаю, как бы прикрыть эту тему, потому что обсуждать моих мужиков мне сегодня не интересно, но тут случается нечто непредвиденное.

Дверь открывается, и на пороге появляется Эльвира. Одновременно с этим пиликает почта на моем рабочем столе, и я как ополоумевшая набрасываюсь на клавиатуру, изображая супер-занятую. А у самой сердце где-то в районе задницы трепещет.

Что эта Вобла тут забыла?! Пусть проваливает!

Она снова меня не узнает и не слышит моих отчаянных мысленных посылов. Подходит к Светлане:

– Здравствуйте, Эльвира, – тут же подрывается хозяйка, – очень рада вас видеть. Как раз ждала вас.

Ждала? Хоть бы предупредила, я бы нашла повод свалить. Теперь бежать поздно, да и некуда. Остается только надеяться, что следом за своей благоверной не притащится и сам Демид.

Вобла чинно кивает и усаживается на стул. Спина прямая, руки на коленях. Прямо, куда деваться. Королева, мать ее. Я закипаю и начинаю давиться злостью. Ну и ревностью, куда же без нее.

– Я подготовила все документы, – Света достает фирменную папочку нашего агентства. – билеты, страховка, ваучеры.

А по почте нельзя было все это отправить? Или королева настолько королева, что считает ниже своего достоинства распечатать несколько листов?

– Памятку тоже подготовила...

Еще и памятку. Пусть в интернете смотрит, как это делают обычные туристы.

– Спасибо, – Эля забирает папку и, слегка приоткрыв ее, без особого интереса заглядывает внутрь, – я вас хотела попросить еще об одной услуге.

Я злюсь, а Светлана, наоборот, сама учтивость. Еще бы. Барханов, не моргнув глазом, вывалил за их райский отдых такую сумму, которую я и за год не зарабатываю. Конечно, его Воблу за это будут вылизывать с ног до головы и причмокивать от удовольствия.

– Сделаю все, что в моих силах.

– Я бы хотела сделать сюрприз своему мужчине.

У меня срываются пальцы, не попадаю на кнопки и вместо названия отеля отправляю клиенту какую-то лютую полуматную дичь. Тут же исправляю ошибку, извиняюсь в переписке, но успокоиться не могу. Трясет.

– В день прилета хочу...интимный ужин для нас двоих. На берегу. С музыкой, свечами и белоснежным кружевным пологом, – у Эльвиры предвкушающе поблескивают глаза, а мне хочется взять ведро, которое у нас в офисе вместо вазы, и надеть его ей на голову.

– Красиво, – Света уж рыщет в компьютере, решая проблему дорогой клиентки.

– Чтобы побережье было диким, нетронутым. Пальмы, белый песок, шум прибоя...

Ее голос становится мечтательным, и мой мозг тут же выдает картинки настолько живые, что не невозможно отвести взгляд. Я слышу шелест листвы и шорох волн, ласково облизывающих берег, чувствую свежий ветер, остающийся солью на моих губах.

– Чтобы ложе под звездным небом. И лепестки роз...

Внутренности скручивает узлом. Потому что я вижу на берегу огромную кровать. На белом шелке алеют крупные лепестки.

Вобла продолжает описывать свои романтические фантазии, а я вижу их словно наяву. Ее слова действуют на меня как гипноз. Чувствую. Задыхаюсь. Проваливаюсь все глубже.

И вот уже я не просто вижу эту кровать со стороны. Я лежу на ней и из одежды на мне лишь черное, кружевное белье, вызывающе контрастирующее и с белым шелком, и с багрянцем роз. Ветер играет моими, почему-то снова рыжими, волосами.

Я не одна. Рядом со мной мужчина.

Я пытаюсь увидеть в нем романтического Лешу или шумного выпендренника Игната, но моя фантазия сопротивляется. Отбрасывает этих двоих, как ненужный хлам и нагло подсовывает другого. Того, от которого размякают и колени, и мозги.

Я вижу Демида. Только его. Скольжу мысленным взором по его лицу и не могу оторваться. Все так же мысленно веду ладонями по плечам. Я помню его тело наощупь. Каждый изгиб, каждую четко слепленную под кожей мышцу. Я даже помню, как стучит его сердце, если положить руку на грудь. Тук-тук-тук. Сильно, размеренно. Завораживая и подчиняя.

Я помню вкус своего имени на его губах. Я помню его всего.

Эти воспоминания как клеймо, выжженное на душе. Не спрятаться, не скрыться. Всегда со мной.

Я хочу вынырнуть из этого дурмана. Но фантазия тянет дальше. В самую пучину. Туда, где я полностью ему принадлежу. Я уже чувствую его руки на своей коже, чувствую тяжесть мужского тела. По бедрам мурашки, и грудь становится наливной, твердеет. Плотнее сжимаю ноги, чувствуя дикую, обжигающе-сладкую пульсацию внизу живота.

Боюсь сделать вдох, потому что еще немного и он скатится в стон.

А мужчина в моих мыслях продолжает делать то, о чем стыдно говорить вслух. Как всегда доминирует, вынуждая подчиниться и забыть обо всем. Он знает, что мне надо, знает, что я люблю. Проводит по самой грани – еще миг и сорвусь в пропасть. Еще немного...

– Все готово! – довольный голос Светланы врывается в мой дурман и безжалостно вышвыривает на поверхность, – я списалась с отелем, и они все организуют по высшему разряду.

Мои щеки горят, дышать невозможно, тело – сплошная лава, тронь и взорвется. Боже, да я чуть не словила кайф прямо на работе, рядом с коллегами и Воблой! Просто слушая о том, как она планирует их романтический отпуск.

И тут же возбуждение откатывает, словно его и не было. Вместо этого налетает ужас. Дикий, пробирающий до самых костей, потому что понимаю, что ни черта я от него не освободилась и не переболела. Он во мне. Внутри каждой мысли и в каждом надрывном сокращении сердца.

– Уверена, ваш мужчина будет в восторге.

Ревность. Черная, как как самая непроглядная ночь, жгучая и болезненная. Она обрушивается всей своей невероятной мощью и придавливает к стулу. Даже если сейчас наступит конец света, я не смогу подняться и сделать спасительный шаг. У меня сил. Есть только ощущения.

Мне больно. Я давлюсь, слушая как размечтавшаяся румяная Эльвира по-дружески делится со Светланой планами на эту поездку.

– Скорее бы оставить всю эту суету и сбежать за океан. Бунгало на воде, ласковое солнце, скаты на мелководье и пальмы, как в рекламе шоколада...

Боже, я хочу туда! Вместо нее! Хочу этих проклятых скатов и пальм. С ним!

Меня выворачивает наизнанку от одной мысли, что уже завтра они улетаю. И что все то, о чем сейчас бредит Вобла станет реальностью. Мальдивы, бунгало, кровать на побережье и небо полное звезд.

Я даже всхлипываю от отчаяния, но тут же отворачиваюсь, делая вид, что просто чихнула.

– Демид уже просто изнывает от нетерпения.

Козел этот ваш Демид! Козлина конченная!

Я ненавижу его! Ненавижу! За то, что никак не оставит меня в покое. За то, что даже внутри своей головы я не могу от него спрятаться.

Довольная Вобла забирает документы, тепло прощается со Светланой, остальным просто кивает и уходит. А я готова сдохнуть от боли, которая раздирает своими ядовитыми когтями.

Мне нужно что-то, что вернет уверенность в себе. Хоть какой-нибудь пластырь, чтобы склеить кровоточащие ошметки в груди. Что угодно. Кто угодно.

Поэтому тянусь за телефоном и отправляю короткое сообщение Алексею.

«Я согласна».

Ответ прилетает моментально.

«Спасибо, Солнце. Я так рад».

Я не рада. И я не солнце. Я – жалкая неудачница, которая не может отпустить свое прошлое.

Глава 7

– Я готова!

Хочу спросить к чему, но вовремя вспоминаю. Пятница, день X, пока ехать на юг и полоскать свое туловище в соленой воде.

Элька восторженно пыхтит в трубку, а я криво смотрю на часы – еще только полдень, но, чтобы успеть на самолет, надо уже сворачивать все дела и собираться.

Я бы, если честно, лучше поработал. Как представляю, что две недели придется сидеть на острове, так зубы сводит. Что там делать столько времени? Жрать, спать, вяло тискать Эльвиру и ловить на свой крючок скатов?

Я не умею отдыхать и точно сдохну там от скуки.

Две недели, мать вашу...Зачем я на это согласился? А главное почему?

Ах да, я в этот момент мысленно передергивал на духи Ежика, поэтому благополучно профукал момент, когда надо было сказать свое решительное «нет». Теперь сворачивать поздно, Эльвира уже при полном параде, набила целый чемодан купальников и кремов для загара. Солнце и пляж нас ждут. Ура.

Сваливаю на секретаршу целый ворох поручений, пытаюсь разобрать последние письма и документы, но в итоге машу рукой. Бесполезно. Работа никогда не кончается. Поэтому просто все выключаю и иду к Артуру.

– Я уезжаю.

– Хорошо, – он, не отрываясь, что-то делает в компьютере.

– Надолго.

– Угу, – продолжает заниматься своими делами.

– На две недели.

Вот тут он поднимает на меня удивленный взгляд, пытаюсь понять шучу или нет:

– В смысле?

– В прямом. Летим с Элей греть жопы к морю.

– Внезапно. Сегодня что ли сорвались?

– Нет, – раздраженно жму плечами, – еще на той неделе.

– Предупредил бы. У нас тендер, приемка объекта...

– Я разве не предупреждал? – пытаюсь вспомнить, но в голове пусто.

Артур отрицательно качает головой.

Черт. Мне настолько насрать на эту поездку, что я даже не говорил и не вспоминал про нее.

– Что-то не вижу радостного предвкушения в глазах.

– П-ф-ф, – обреченно машу рукой и иду на выход, – в общем, звони если что. Я на связи.

Я очень надеюсь на его звонки, потому что реально боюсь, что за эти две недели тронусь умом от безделья.

Дома меня ждет радостная Эльвира. В честь такого события, как долгожданный отдых, она изменяет своему стилю, и вместо строгого классического платья, надевает что-то легкое, невесомое, с широкой юбкой и воланами по рукавам.

– Ну как? – крутится, демонстрируя себя во всей красе.

– Супер.

Эльвира действительно прекрасно выглядит. Такой образ ей идет. Она теряет ледяную непробиваемость бизнес-леди и становится нежнее.

Но все равно что-то не то.

Туфли по-прежнему жмут...

– Ты готов?

– Да.

Вру. Я даже еще не собирался.

Не глядя, кидаю в спортивную сумку какое-то шмотье и мелочи. Мне больше ничего не надо. Я ничего не хочу.

В груди тянет.

Что это за отдых такой, если на него собираешься как на каторгу?

Но я продолжаю тянуть кота за хвост. Не знаю на что надеюсь. На то, что в дороге накроет предвкушение или что белый песок, набившийся в задницу, вызовет у меня приступ радости и умиления. Не знаю.

Через полчаса выезжаем. Водитель уверенно снует между рядами, а мы с Эльвирой на заднем сиденье. Оба в телефонах. Не знаю, что смотрит она, а я по привычке проверяю почту, сводки и за каким-то лешим заглядываю в соцсети.

Страницы Вознесенской по-прежнему закрыты. Это снова вызывает глухое раздражение. Скрипнув зубами, я откидываю телефон на сиденье и начинаю таращиться в окно.

Две недели. Офигеть...

Проход через рамки, досмотр, регистрация и вип-зал ожидания. Все, как всегда.

Пока Эльвира бродит по магазинам, я глушу...кофе. Черный, как моя жизнь. И такой же горький.

– Рейс на Мале задерживается...

Утонув в мыслях, я пропускаю большую часть объявления и вынырываю только на последней фразе.

Зашибись. Еще и задержка.

Может это судьба? Или, наоборот, не судьба?

Спустя минуту прибегает взвинченная Эльвира:

– Ты слышал, Демид? Слышал?!

– Не пенься, – заказываю еще кофе. Сегодня точно накачаюсь им под завязку и не усну.

– Как ты можешь быть таким спокойным?! – возмущается она. Аж щеки заливаются румянцем.

– От моих нервов взлет самолетов не зависит. Так что не вижу смысла распыляться.

– Это невыносимо, – закатывает глаза и плюхается рядом со мной на сиденье.

– Эль, какая разница, сейчас вылетим или через час?

Конечно, я не горю желанием тратить драгоценное время на просиживание штанов в аэропорту, но не испытываю ни малейшего расстройства от задержки. В отличие от Эльвиры, которая морщится и вздыхает.

– Ты не понимаешь. Нас же там ждут...

– Подождут, – я отмахиваюсь и забираю новую кружку.

Рейс сначала задерживают на полчаса, потом на час, потом еще на два.

Я все-таки злюсь, потому что мог потратить эти часы на что-то полезное. Эля злится, потому что мы могли уже давно лететь.

В общем, все злые и недовольные. А тут еще и телефон звонит.

Артур.

У меня аж звенит внутри от дурных предчувствий.

– Дем! – его голос громкий и надрывистый, – ты улетел?

– Нет, раз с тобой говорю...

– Сдавай на хрен свои билеты и дуй обратно. У нас на объекте обвал. Там бригада была. Пятерых откопали – они в больнице с повреждениями разной степени тяжести. Двоих еще не нашли, а одного завалило, не знаем, как достать. Он жив, но добраться до него не получается, спасатели боятся нового обвала.

– Зашибись, – подскакиваю со своего места, как ужаленный, – жди, скоро буду.

– Демид! – вопит возмущенная Эльвира, но я взглядом заставляю ее замолкнуть, и продолжаю разговаривать с братом.

– Органы уже примчали?

– Да все примчали! Тебя только нет.

– Сейчас буду.

Я скидываю звонок, смыкаю пальцы, жестом показывая Эльвире, чтобы заткнулась, и вызываю водителя. Из аэропорта на такси, чтобы время не терять, а в городе пересяду.

– Демид! – Эльвира хватается меня за руку, – ты не можешь так уйти. Мы же собрались отдыхать.

– Эль, ты сейчас серьезно? – смотрю на нее в упор, – там людей завалило, а я поеду жопу на пляже греть?

– Но как же...

Она чуть не плачет, но меня это не трогает. Слезы в данном случае неуместны. Если она этого не понимает, то это ее проблемы.

– Поезжай одна.

– И что мне там делать?

– Не знаю. Займись чем-нибудь.

– Хорошо. Я не полечу, – желает скорбное лицо, – возвращаемся.

Мне такие жертвы на фиг не сдались.

– Не дури. Путевка оплачена. Отдыхай, – я пытаюсь улыбнуться, но никак. Мыслями я уже не тут. – Я прилечу позже.

– Когда?

– Сразу, как решится вопрос с пострадавшими. Может через неделю, а может и завтра. Я не знаю.

Она тяжело вздыхает и поднимает на меня несчастный взгляд:

– Обещаешь?

– Да.

Я уезжаю, оставив ее в зале ожидания и не испытываю по этому поводу ни малейших угрызений совести.

Боялся, что буду помирать от скуки? Пожалуйста!

Скучать этим вечером нам точно некогда. Носимся с Артуром, как два петуха с подпаленными хвостами. На объекте столпотворение – спасатели, представители поставщиков, юристы, независимые оценщики и инспекция разных уровней.

Пока не понятно, что именно произошло, но чувствую штрафов будет до хренища. Кто-нибудь опять проковырялся в носу и что-нибудь нарушил, а разгребать нам. На штрафы плевать – если виноваты, заплатим. И неустойку, и за лечение, и моральную компенсацию. Все, что потребуется.

Меня больше волнует, чтобы никто не помер и не стал инвалидом. Каким бы циником я не был, а жизнями и здоровьем своих сотрудников, даже самых непутевых, дорожил.

Пока Артур караулит на самом объекте, я лично еду в ту больницу, куда отвезли пострадавших. Говорю с врачами, решаю вопрос с платными палатами и лечением. Заодно показываю, что мы не прячемся и готовы к сотрудничеству. Доброжелателей в нашем кругу предостаточно, и репутацию, которую наработывали годами, можно потерять за минуту. Хорошо, что Артур успел выцепить меня до отлета. Прессу бы разорвало, если бы выяснилось, что один из владельцев отправился загорать, в то время как у него людей завалило.

Тяжелая ночь. Нервная. Мы делаем то, что должны, не давая себе ни секунды на перерыв, и выдыхаем только в пять утра, когда спасателям удастся разобрать завалы и достать все пострадавших.

Итоги этой дурной вечеринки: пять переломов рук, шесть переломов ног, четыре сотрясения, куча мелких травм и поломок.

Все. Финал.

Не знаю, как Артура, а меня накрывает. Просто хоп и, отключаются все чувства и остается лишь усталость и звон в висках. Я отрешенно замечаю, что сорвал пуговицу с рукава пиджака, где-то оставил галстук, а на волосах слой строительной пыли. Плевать. Вызываю водителя, потому что самому сейчас садиться за руль – чистой воды самоубийство. Я будто обдолбанный после такого насыщенного вечера.

– Зашибись ночка? – кисло усмехается Артур, когда мы с ним выходим на улицу, садимся на первую попавшуюся лавку и тупо пялимся на рассветное небо.

– Угу, – я тру морду и думаю только о том, что хочу спать. Упасть, не раздеваясь на кровать, закрыть глаза и провалиться. И долбиться оно все конем.

– Жаль, что пришлось сорвать тебя с практически с самолета.

Я только жму плечами. У меня нет сил притворяться и выдавливать из себя сожаление. Не полетел и ладно.

– Эльвира, наверное, расстроилась?

– Наверное.

– Придется тебе вину заглаживать, – хмыкает Артур, – подарками.

Подарки – это легко, вот только как быть с тем прискорбным фактом, что вины-то я как раз и не чувствую. Можно было бы списать на стресс и усталость, но я знаю, что это не так, и устал убеждать себя в обратном.

Не мои это туфли. Не мои.

– Главная засада миновала – людей спасли. Все живы, пусть и не совсем здоровы. Дальше уже будут работать юристы, инженеры и сметчики. Так что через пару дней можешь уезжать, я тут и без тебя справлюсь. Лети к ней.

– Посмотрим.

Он вскидывает на меня пристальный взгляд, но ничего не говорит. Чувствует, что со мной что-то не так, и мне лень закрываться, прятаться за непробиваемой маской. Хмыкаю и, рассматривая свои ладони, жду неудобных вопросов.

– То есть не полетишь?

– Не вижу смысла.

– Не видишь смысла сейчас, конкретно в этот момент? Или это глобальная проблема?

– Это не проблема.

Артур на некоторое время замолкает, потом хмуро выдает:

– Что у тебя стряслось?

Все зашибись. Просто у одного тридцати шестилетнего мужика наметился кризис.

– Ничего. Все, как всегда.

– И поэтому ты опрокидываешь Эльвиру, с которой уже до хрена лет? Сколько вы вместе? Четыре? Пять? Дольше?

Я так привык, что уже даже не помню.

– Или Варька была права?

Ох уж эта Варька. Как вспомню, так волосы на затылке дыбом встают. После ее слов у меня внутри что-то окончательно просело и остановилось.

– Я не знаю, – качаю головой.

– Ты же сам Элю к себе позвал и предложение сделал...пару лет назад.

Сделал. Только дальше этого не пошло. И вряд ли пойдет. У меня внутри пусто. Идеальная Эльвира подходит мне по всем параметрам, но не может перекрыть эту чертову пустоту.

– Скажи, ты когда с Вероникой остаешься наедине, думаешь о том, как бы найти какое-нибудь занятие, чтобы разбавить ваше общение?

– Все так плохо?

– Нет, – равнодушно жму плечами, – не плохо, но и не хорошо. Просто никак. Полный штиль.

– Кхм...я думал для тебя это норма. В отношениях. Вообще не припомню, чтобы когда-то было иначе.

Было. Пусть и недолго. Но об этом, похоже, помню только я. Да и откуда остальным про это помнить, если я приложил все усилия, чтобы вытолкать этот эпизод на задворки, подальше от чужих глаз.

– Да, я – эмоциональный кастрат. Я помню. Кирюха просветил.

Мы оба замолкаем, потому что возвращаемся в тот день, когда мелкий говнюк воскрес из мертвых и вернулся, чтобы окончательно разрушить наши жизни. Не смог. Силенок не хватило. Но наговорил тогда он много всего. И его слова о том, что я холодный, как мраморная статуя остались у меня где-то на подкорке.

Замороженный...

Это уже не его слова, а одной рыжей заразы.

– И что будешь делать?

– Поеду домой, – киваю на машину, тормозящую возле нашей лавки, – подвезти?

– Да.

Мы сначала отвозим Артура, потом едем ко мне. Водитель молча следит за дорогой, не издавая ни звука. Он прекрасно вышколен и знает, что не люблю болтунов и, если мне что-то потребуется – сам спрошу.

Замороженный...

Глупо, но мне сейчас реально не хватает простого человеческого тепла. Не напускного, не распланированного и идеального, а самого что ни на есть простого.

Несмотря на усталость, у меня не получается заснуть. Я закрываю глаза, а сон не идет, хотя состояние измученное. Перегулял. На часах уже полседьмого. По идее, пора вставать и валить на работу, но не хочу. Блевать тянет от всего этого.

Думаю, ничего не случится, если я явлюсь не с самого утра, а чуть позже. Все еще надеюсь заснуть хоть на пару часов. Сутки без сна, да еще и в таком темпе меня вымотали. Поэтому поворачиваюсь на другой бок, закрываю глаза и приказываю себе спать. Насильно выгоняю из мыслей образы вчерашнего обвала и план действий на сегодня, считаю идиотских овец, потихоньку расслабляясь.

Дрема уже на подходе, даже пару раз дергаюсь. И уже когда совсем готов сорваться в сон, начинает трезвонить телефон.

Да, ёп....

С минуту лежу, прикрыв глаза руками. Сон улетел, как и не было, сердце гремело, в голове измученная ясность. Зашибись поспал.

Не глядя беру телефон и отвечаю:

– Да, – в голосе ни единой эмоции. На них нет сил.

– Демид!

Черт. Эля.

– Привет.

– Что с обвалом? – тут же спрашивает она, – что с людьми? Все целы?

– Целы.

Плюс ей в карму за то, что не начала сразу ныть про отдых и поинтересовалась о моих делах.

– Я очень рада.

– Я тоже.

– Как ты там? – как всегда мягко и заботливо.

Я жму плечами, потом соображаю, что она меня не видит.

– Устали. Всю ночь были на объекте. Сейчас собирался спать.

– Я тебя разбудила, – тянет виновато, – прости.

– Да ничего страшного, – с кряхтением ложусь повыше на подушки. Тру глаза и зеваю.

– Я хотела спросить, – она мнется, – но, наверное, не время....

Не время. Это точно. Я знаю, что она хочет спросить, поэтому отвечаю:

– Эль, пока не могу. Сама понимаешь, мое присутствие необходимо.

– Понимаю, – тихо откликается она, старательно пряча разочарование.

Мне снова не стыдно. Мы разговариваем еще пару минут, и она больше не затрагивает тему моего приезда. Знает, что это бесполезно.

После разговора ощущение опустошенности растет. Я внезапно понимаю, что даже не спросил, как она долетела. Похоже, ждет меня в скором времени еще один неприятный разговор. Но не сегодня. И не по телефону. Я не откладываю его, не боюсь, не жалею. Просто сейчас на него не способен.

Смотрю на часы – времени почти семь. Все-таки пойду на работу. Нет смысла валяться просто так, все равно не засну.

Но прежде, чем встать, я снова беру в руки телефон и отправляю брату сообщение «Ты как там? Все в порядке?». Я думаю, что он тоже вряд ли смог

заснуть после вчерашнего...

«К чему такие вопросы с утра пораньше? Тебе заняться нечем?»

Дважды перечитываю сообщение, пытаюсь сообразить, что это вообще такое. И только спустя минуту, мои уставшие звенящие мозги понимают, что написал я не Артуру, а рыжей беде. Так долго про нее думал, что на автомате отправил сообщение.

Вот не олень ли?! Просто оленище!

Сарказм есть, злости нет. Я внезапно понимаю, что рад такому повороту. Даже становится легче дышать. Укладываюсь поудобнее и пишу ей ответ:

«Это было сообщение не для тебя»

«Повторяешься, Барханов»

Вспоминаю, что в прошлый раз именно такой отмаз использовал. Глупо, конечно получилось, но я не хочу завершать наше общение. Оно мне сейчас нужно. Только не в безличных сообщениях. Я хочу слышать ее голос.

Поэтому звоню, гадая ответит или нет. Приходится ждать долго, и я уже скриплю зубами от досады, устав слушать длинные гудки, когда наконец раздается ее несчастное:

– Ты оставишь меня в покое?

У нее грустный голос, и у меня тут же что-то сжимается внутри:

– Что случилось?

– Все отлично, – хмыкает она.

– Я же слышу.

– Дем, я сказала, все у меня отлично, – шмыгает носом, опровергая свои же собственные слова, – по крайней мере было до того, как ты позвонил.

– Лер-р-ра! – рычу ее имя, чувствуя, как оно раскатывается горечью по языку, – когда у тебя такой голос, обычно случается какая-то х... ерунда.

Фыркает в трубку:

– Просто неудачное свидание.

Узел в животе становится туже. Я внезапно понимаю, что не могу ее представить на свидании с кем-то другим. От одной мысли, что кто-то прикасается к ней, целует, у меня темнеет в глазах и сжимаются кулаки.

Уймись, придурок! Все! Просто уймись.

Приходится напоминать самому себе, что в ее жизни я никто и звать меня никак. Просто бывший, у которого в последнее время моча в голову ударила.

– Ты его убила? – мне даже хватает сил на вымученную шутку.

– Почти, – выдает после некоторой заминки, а потом словно опомнившись припечатывает, – а, ты не боишься обанкротится после таких звонков?

– В смысле?

– Звонок с Мальдив нынче не дешев.

Она ведь думает, что я на островах с Эльвирой.

– Я дома.

В трубке напряженное молчание, прерываемое лишь едва уловимыми вдохами на том конце. Я даже начинаю думать, что нас разъединили.

– Лера?

– Почему ты не улетел?

Я бы мог сказать ей про обвал на объекте, про срочные дела и вообще придумать с десяток благородных и разумных причин, но вместо этого говорю правду:

– Не захотел.

Снова молчание. Я бы многое отдал за то, чтобы узнать, какие мысли бродят у нее в голове в этот момент. Может Лерка поймет мое состояние, почувствует...

– Ну и дурак! – внезапно припечатывает она.

Я аж подавился. Ежик...мать его...

– Это еще почему?

– Солнце, море, романтический ужин на берегу. Это же здорово, – не говорит, а выплевывает, – просушил бы свою Воблу до еще более сушеного состояния.

– Да, это именно то, чего мне не хватало, – цежу сквозь зубы, представляя как душу эту маленькую наглую выскочку, – не знаю, как теперь пережить такое разочарование.

– Купи себе кокос и порадуйся.

Точно. В любой непонятной ситуации жри кокос. Лайфхак от Валерии Вознесенской. Она меня раздражает и от этого тяга становится практически непреодолимой:

– Я хочу тебя увидеть.

Мне нужно видеть эту бесячью заразу рядом с собой. Чуть ли не наизнанку выворачивает от этого желания.

– Нет, – она моментально меняется и если до этого более-менее разговаривала со мной, то теперь просто обдает холодом, – Зря я ответила на твой звонок.

В голосе столько сожаления, что мне больно дышать.

– Лера...

– Демид, хватит! Я не знаю, что у тебя там происходит, и не хочу знать, просто оставь меня в покое. Разве я о многом прошу?

Ты просишь о невозможном.

Понятия не имею, как уговорить ее хоть на небольшое примирение. Но одно знаю наверняка – сдохну, если не увижу ее.

Глава 8

Леха парень неплохой. Высокий, в меру спортивный, симпатичный. А самое главное добрый, воспитанный и отзывчивый.

Лерочка, хочешь мороженое?

Лерочка, ты не замерзла?

Лерочка, можно я тебя обниму?

А Лерочка только глаза пучит и улыбается, как дура. Потому что улыбка прилипла к губам, и если ее отлепить, то всем станет видна моя кислая несчастная морда.

Я честно пытаюсь получать удовольствие от свидания. А это действительно именно свидание, а не дружеская прогулка, поэтому на мне красивые трусы, и я готова идти до самого конца.

Вечер чисто по классике – кино, задний ряд, робкая рука на моей коленке, поцелуй. В зале темно, но я все равно жмурюсь так, что искры из глаз. Меня кроет, и сквозь перестрелки и рев сирены с экрана, пробивается шум прибоя. Тихий, насмешливый, пробирающий до самых костей. И сколько не жмурься, перед глазами все равно закатное небо, белоснежная постель и лепестки, похожие на капли крови.

Я дрожу. Леша думает, что от возбуждения и становится более настойчивым. Ну как более настойчивым... рука с колени перемещается на два сантиметра выше. Я уже сама готова схватить ее и переместить себе под юбку или на сиськи, чтобы у меня хоть что-то сработало: возмущение, возбуждение, протест. Что угодно.

Надо были идти с Игнатом, тот хоть лапает и не стесняется, даже несмотря на угрозы получить по морде или коленом в пах. А этот бережет, будто я сахарный цветочек, на который дунь-плюнь и рассыплется. Не торопит. Смотрит влюбленными глазами, не скрывая восхищения.

Я ведь хотела почувствовать себя любимой, хотела, чтобы меня берегли и сдували пылинки? Чтобы относились ко мне как к драгоценности, несмотря на все мои недостатки?

Хотела? Получила! Леха меня боготворит. Не знаю, правда, за что. Уже который месяц ему нервы мотаю и кормлю обещаниями. И вообще веду себя как ни рыба, ни мясо, а он все ждет, и каждый раз, когда я соглашаюсь встретиться, сияет, словно начищенный пятак.

Наверное, именно поэтому я выбирают его. Мне так одиноко и тошно в этот вечер и так хочется восстановить потрепанное, раздавленное самолюбие, что я готова на все. Пусть любит меня, прикасается где хочет, пусть целует.

Я все еще надеюсь, что голова пойдет кругом, сердце споткнется от предвкушения, и горячая патока помчит по венам. Ладно, фиг с ней с патокой. Мне будет достаточно просто тепла и ощущения того, что меня любят.

После кино, мы идем в кафе. Я старательно флиртую, стреляю глазками и вообще всячески распаляю его, без слов обещаю.

Ожидаемо, что после всего этого мы едем к нему. Я готова. Сердце все-таки грохочет, только не от предвкушения, а от обиды и ревности. Да, я здесь с одним, а схожу с ума оттого, что другой где-то там, далеко, слушает звуки прибоя, лежа на шелковых простынях с мерзкой Воблой.

Я идиотка.

Позволяю себя целовать и раздевать. Целую в ответ, прижимаясь так, будто во всем мире не осталось ничего надежного, и только Лешкины плечи – единственное за что можно ухватиться. Он нежен со мной. В каждом взгляде восторг, в каждом прикосновении – благоговейный трепет. А меня крутит, настолько, что в самый ответственный момент сбегаю в ванную комнату.

Плещу себе на лицо ледяной водой, надрывно хватаю воздух ртом и все равно не могу надышаться.

В комнате меня ждет отличный парень, с которым может быть все серьезно, а я не хочу. Не здесь и не с ним. Я хочу на Мальдивы, на белый песок. К сволочному Барханову, который может одним взглядом заморозить и растоптать.

Дура. И мазохистка.

Я не выдерживаю. Не могу быть с одним, в этот момент представляя другого. Трусливо прячу взгляд, не в силах смотреть на непонимающее, разочарованное лицо Алексея, что-то вру про внезапно пришедшие критические дни и сбегаю. И рыдаю в такси всю дорогу до дома.

Я настолько жалкая и несчастная, что таксист с меня даже за проезд не берет. С сочувствием произносит «все наладится» и уезжает. А я снова реву.

Ведь наладилось уже все! Жизнь нормальная началась. С сыном, друзьями, работой и обычными хлопотами. И пояс верности после Демида не надевала. Отношения были, и не одни. И целовалась, и спала, и никогда не осечек не было.

Почему сейчас-то все сломалось? Зачем?!

Мама, к счастью, уже спит и не видит моей отекающей зареванной физиономии. Я ложусь в кровать, и вместо того, чтобы спать мочу слезами подушку. В моей фантазии все также шумит прибой и красные лепестки неспешно падают с неба. А на белоснежных простынях два сладко сплетенных тела. И сколько я ни пытаюсь представить себя рядом с Бархановым, все равно вижу его и Воблу.

Эти видения мучают, причиняя невыносимую боль.

Он звонит. Будто чувствует мое состояние и хочет насладиться моими страданиями. Я ненавижу его настолько, что едва могу говорить.

А потом... Потом выясняется, что никуда он не уехал, что он где-то рядом. Один.

И меня размазывает. Просто раскатывает тонким слоем, так что не могу пошевелиться.

Красные лепестки сгорают прямо в воздухе, разлетаясь по округе пеплом, как и вся эта отвратительная идиллическая картинка с чужими телами.

Я не понимаю, почему это для меня так важно. Наша история в прошлом, будущего у нас нет, но узнав, что он никуда не уехал, я, наконец, могу вдохнуть полной грудью, не захлебываясь от боли.

Весь день я нахожусь в каком-то нервно-приподнятом настроении. То хочется орать, то палец покажи – ржать начну, то просто зависаю и стеклянным взглядом таращусь в стену. Неадекватная, разобранная, дурная настолько, что хочется самой себе по щекам нахлестать, схватить за плечи и орать «очнись!».

Очнуться не получается, и чтобы хоть как-то придти в нормальное состояние, начинаю себя грузить. Все чем только могу – убираюсь, вылизывая всю квартиру от и до. Потом готовлю обед – первое, второе и компот, затем сразу ужин – что-то невообразимо сложное и мутное. Что угодно лишь бы не сидеть без дела и не думать, потому что собственные мысли чертовски напрягают.

Я ведь радуюсь, как идиотка из-за того, что он не улетел. Просто невообразимая эйфория накрывает, когда представляю, как Вобла сидит там одна на берегу, печально зарывшись в дурацкие лепестки и от злости грызет кокос. Нечищенный.

Не знаю, что у них там произошло. Мне плевать. Вот только дурное сердце колотится как ненормальное, и в этот раз мне не больно. Я чувствую себя пьяной, шальной и необоснованно счастливой. Потому что причин для счастья на самом деле нет.

С чего радоваться-то?

С того, что Барханов по каким-то причинам не улетел со своей идеальной? Так, а я тут при чем? Не при чем, совершенно. Их взаимоотношения меня не касаются. Демид меня не касается. Может у него, как всегда, работа, или просто небольшая ссора или еще что?

Плевать.

Я чувствую какое-то опасное напряжение в груди. Оно мне не нравится. Хочется его перебить, пообщаться с кем-нибудь по душам.

Варианты со свиданиями откидываю сразу. Лешка теперь точно на меня обиделся, Игнат будет распускать руки и точно огребет, ибо сегодня я не настроена ни на флирт, ни на игры. Поэтому выбираю девочек.

К сожалению, наш боевой отряд уже не тот.

Ксюша вышла замуж, родила двойню и превратилась в румяную пышку в пестром халате, которая думает только о том, как накормить всех своих спиногрызов, мужа и кота. У нее все разговоры исключительно про рецепты и заготовки. А такая оторва была....

Алинка ударилась в йогу, выбрила себе полголовы и превратилась в какое-то неземное создание, озабоченное исключительно раскрытием чакр. Сплошной ЗОЖ и никаких вредных привычек.

Лена и Оксана одиноки и задвинуты на карьере.

Все-таки мне удастся их собрать. Всех кроме Ксюхи. Та – отрезанный ломоть, хотя мы все равно ее любим.

И вот сидим мы в баре, вспоминаем старые добрые времена. То, как чудили в универе, как гуляли и прогуливали, как с парнями в «любовь играли» и потом хвосты по учебе подтягивали.

Весело было. Я так не ржала, уже не помню сколько. Чтобы громко, в голос, от души, не обращая внимания на недовольные взгляды посетителей за соседними столиками. Пусть смотрят. Мне все равно, я отдыхаю. Перезагружаюсь. И плевать на чужое угрюмое внимание, даже если оно настолько осязаемое, что чувствую его кожей.

Мы продолжаем смеяться, а наша загадочная возвышенная Алина отчего-то начинает хмуриться и задумчиво тереть проколотую бровь.

– Ты чего? – не выдерживает Оксана, – вид такой, будто пытаешься решить проблему вселенского масштаба. Опять к космосу не получается подключиться? Чакры закрылись?

– Ха-ха-ха, – невозмутимо выдает она и потягивает через трубочку ананасовый смузи, потом снова хмурится, – старость у меня, девочки. Жестокая и бесповоротная.

Мы переглядываемся и снова начинаем ржать. Старость. Все бы такими старыми были. Она в планке может стоять пять минут и не дрожать, как осиновый лист, на все шпагаты садится, ноги за голову умеет заправлять и вообще выглядит, как нежная, бесконечная юная эльфийка – нежная полупрозрачная кожа, огромные васильковые глаза и губы цвета сочного бордо.

– Ну, ты скажешь, – хмыкает Лена, – старость.

– Да я серьезно. Склероз у меня, – шепотом сообщает она, потом трогает свою на половину выбритую голову, – как в фильме. Здесь помню, а здесь не помню.

– Бедняга, – хихикает Оксана, – главное не забудь, где живешь. Остальное – мелочи.

– Не смешно. У меня на лица память плохая стала. Вчера на тренировке не узнала женщину, которая уже приходила и снова подсунула ей анкету новичка.

Люди бывает на улице здороваются, а я понятия не имею кто это. Или, например, вон тот мужик, – расстроено кивает куда-то нам за спину, – Лицо знакомое, точно где-то видела, а где – хоть убей не помню.

Мы с девчонками переглядываемся, хихикаем, а потом как малолетние дурочки начинаем вертеться, пытаюсь незаметно посмотреть, что это за такой знакомый незнакомец. Или незнакомый знакомец...

Всем любопытно. И мне тоже. Поэтому коварно усмехнувшись, я тайком бросаю взгляд через плечо...И на этом мое веселье заканчивается.

Потому что это Демид.

Он сидит за столиком у окна, задумчиво крутит в руках кофейную чашку, рассматривая ее содержимое. И словно чувствуя меня, поднимает взгляд, от которого тут же выбивает весь воздух из легких.

Я дергаюсь, будто от удара, и поспешно отворачиваюсь. Хватаюсь за минералку, делаю несколько глотков. Таких жадных и огромных, что в груди становится больно.

– Лер, – Оксана тоже переходит на шепот, – это же тот самый...

Да. Тот. Единственный и неповторимый.

– Точно! – складка на лбу у Алины разглаживается, и она облегченно выдыхает, – вспомнила. Это твой бывший властный арбузер.

Девочки снова хихикают, а мне не до смеха. Я не знаю, как он здесь оказался и давно ли сидит за тем столиком, но уверена, что это не случайность. Он здесь из-за меня. Чертов сталкер!

– Он на тебя смотрит, – шепчет Ленка, – очень-очень смотрит. Так смотрит, что даже у меня начинает подгорать и плавиться.

Да знаю я! Чувствую! Его взгляд всегда был как прикосновение. В этот раз ощущение, будто мужская ладонь зарывается в мои волосы на затылке. До

мурашек.

Я не могу удержаться и снова оглядываюсь.

Он не прячется. Смотрит в открытую, но я ничего не могу прочитать на его лице и, кажется, снова начинаю задыхаться. Барханов взглядом указывает на место, напротив себя, приглашая присоединиться. Меня будто кипятком обдаёт. Вспыхиваю и поспешно отворачиваюсь к остальным.

Глава 9

Я слежу за ней от самого дома. Не потому, что я дебил, а просто так складывается – подъезжаю к ее двору, как раз в тот момент, когда она садится в такси.

Хотя да, дебил. Надо было просто уехать, но я не смог. Решил во что бы то ни стало с ней поговорить. В итоге поехал следом, накручивая себя мыслями о том, к кому это она на ночь глядя собралась. Уж не к любителю ли ромашек?

Как всегда, эмоции через край, аж зубы при каждом вдохе сводит. Сколько лет с Эльвирой, а не припомню, чтобы хоть немного пригорало, если она куда-то уходила. Вообще пофиг было. Может, потому что доверял ей, а может, потому что плевать.

В общем еду за Леркой до заведения с прекрасным названием «барСучья нора». Вроде не притон. Народ хоть и разномастный, но не отребье какое-нибудь: и молодняк есть, и люди постарше, музыка нормальная.

Из машины наблюдаю за тем, как Вознесенская встречается с подружками, как они целуются, обнимаются, хихикают и идут внутрь. Это еще одна возможность отступить и свалить по-тихому, не привлекая к себе внимания. И я благополучно спускаю ее в унитаз. Не могу уехать, иду за ними. Может, просто переживаю, что дурища в очередной раз найдет приключение на свою круглую задницу, а может, хочется посмотреть, чем они будут заниматься. Фиг знает. Одно я уже понимаю наверняка, что у меня клиника, и это не лечится.

Они занимают столик в углу, я – у окна. Беру кофе. Наблюдаю.

К моему приятному удивлению, ни Лерка, ни ее подруги не хватаются за алкоголь. Даже странно, если вспомнить в каком состоянии я ее раньше из клубов забирал. Повзрослела что ли?

Я действительно сталкер. Вместо того, чтобы подойти, продолжаю наблюдать, и сам не замечая, как заказываю уже пятую кружку кофе. Смотрю, как маньяк, и упиваюсь. Потому что вижу прежнюю Лерку, которая хохочет, не стесняясь, и что-то рассказывает, эмоционально размахивая руками и чуть ли не подпрыгивая на стуле.

Живая, интересная, и пускай уже не рыжая, но все равно огненная. В ней все через край. Вся та энергия, от которой срывало мою крышу, и которую она теперь от меня прячет. Знаю, что стоит мне только нарисоваться, как она тут же закроется и станет ледяной, колючей стервой, поэтому и не подхожу. Хочу хоть со стороны посмотреть на то, чего лишился по собственному желанию.

Другие тоже обращают внимание на их компанию. Мужчины за соседним столом с интересом поглядывают на веселых девочек, кто-то даже в качестве комплимента отправляет им игристого. Я ревную и с каким-то внутренним недоумением прислушиваюсь к этому чувству – оно всегда связано только с Вознесенской. До ее появления в моей жизни, я даже не знал, что способен на ревность. Я многого до нее не знал, а потом сам от этого многого и отказался, потому что не вывозил.

Она ведь не укладывалась в те рамки и правила, к которым я привык, которые неукоснительно соблюдал сам и требовал соблюдения от других. Она вообще никуда не укладывалась, все делала наперекосы. Зараза рыжая.

Спустя час, а то и полтора, меня все-таки замечают. Сначала странная деваха с выбритой головой смотрит на меня, по-коровьи глупо хлопая глазами, потом и остальные начинают вертеться, оглядываясь в мою сторону.

Я четко чувствую тот момент, когда Лерка меня видит. Будто электрический разряд от макушки, до копчика. Смотрит, а во взгляде ни намек на радость. Мне почти физически больно оттого, что она прячет от меня свои эмоции, себя настоящую. Дурную и веселую.

Мне ее не хватает.

И я все равно не уйду. Бесполезно. Приковало к ней намертво, еще тогда. И три года я держался, как закодированный алкаш, старательно убеждая себя, что все в прошлом, что на фиг мне не сталась эта нервотрепка, что без нее будет лучше, проще и спокойнее. Что в итоге? Вечер, барсучья нора и сердце, бьющееся где-то в гландах.

Я взглядом приглашаю ее присоединиться. Отворачивается. Бесит.

Будь на ее месте кто-нибудь другой, я бы ушел, не задумываясь. Но это Лера. Так что хрен я куда уйду. Поэтому заказываю еще один кофе.

– Демид! – она все-таки усаживается напротив меня. Во взгляде слишком явное недовольство, чтобы его можно было не заметить, – ты меня достал!

Я оглядываюсь на тот столик, за которым сидела их компания. Никого нет. Подруги разбрелись, а Лерка здесь, напротив меня. Это внушает некоторый оптимизм.

– Кофе будешь? – устало спрашиваю и готов к тому, что сейчас пошлет, но она соглашается.

– Давай.

Вознесенская какая-то взвинченная. Молчит и старается не сталкиваться со мной взглядом, а когда это все-таки происходит, поспешно отворачивается. Я, как всегда, не могу просчитать, что творится у нее в голове. Она настолько непредсказуема, что у меня никогда это не получалось.

Когда приносят кофе, Лерка тянет кружку к себе и делает несколько глотков. Молчит. Я тоже молчу, но не могу отказать себе в удовольствии рассматривать ее. Так близко. Если протянуть руку, то можно прикоснуться...и получить за это по морде.

– Как жизнь? – задаю самый нелепый вопрос на свете.

Сейчас точно пошлет.

– Хорошо. Работаю, отдыхаю. Как большая.

– Молодец.

Быстрый взгляд на меня. Отворачивается. Хмыкает. Не верит.

– Я серьезно. Ты молодец.

Она все равно мне не доверяет, держится настороженно. Но хоть не пытается сбежать, и на том спасибо.

– Почему именно в туризм пошла?

– Потому что мне нравится эта тема. У меня даже канал свой есть. Большой, между прочим, – выдает не без гордости, – и через пару лет, как накоплю денег, открою свое турагентство. Сейчас пока опыта набираюсь, в том году только универ закончила...

Лерка испуганно замолкает, будто ляпнула чего-то лишнего.

– В том? – когда мы с ней встречались, она училась на третьем курсе, значит закончить должна была раньше, – кто-то оставался на второй год?

Вознесенская тут же напрягается:

– Ну, в поза том. Подумаешь, оговорилась!

– Не пенься. Просто спрашиваю, – примирительно поднимаю руки. Мне совсем не хочется, чтобы она психанула и ушла.

– Так почему ты не улетел? – она не очень тактично, но совершенно по-ежииковски переводит разговор.

Мысленно делаю пометку не затрагивать тему ее учебы. Что-то там не так. Не чисто. Может хвостов нахватала и в академ вылетела, может еще чего. В любом случае, реагирует остро и бесится, а мне на фиг не надо, чтобы она бесилась. Я мира хочу.

– Я же сказал. Не захотел.

Качает головой:

– Не захотеть на Мальдивы? Это как надо пресытится, чтобы от такого отказываться?

Жму плечами. Да, я зажавшийся сукин сын, которого уже ничем не удивить, не впечатлить и не заинтересовать. Почти ничем. Сейчас вот мне очень интересно, но сижу словно истукан, опасаясь сказать лишнее слово и спугнуть. А еще мне чертовски хочется прикоснуться к ее волосам...

– Между прочим, там твоя принцесса сюрприз тебе подготовила.

– Я рад, – сарказм прорывается наружу, и Лерка его чувствует.

Замолкает на несколько секунд, потом прохладно интересуется:

– Не все так сладко в вашем сахарном королевстве?

Королевство дышит на ладан, и в этот раз я не собираюсь его реанимировать. Сидя напротив колючего, нахохлившегося Ежика, я окончательно понимаю, что наелся идеальности и жизни по правилам. Что мои попытки сохранить собственное спокойствие не стоят и выеденного яйца. Пустое. Это не та тишина, которая приносит мир в душу и наполняет счастьем. Это синтетика. Бесплодная пустыня, в которой ничего нет.

– Ты действительно хочешь обсудить мои отношения с Эльвирой?

– Нет, – морщится, будто я ей предложил чего-то гадкого, – меня не интересует ни Эльвира, ни ваши отношения. Просто хотела понять, почему не поехал.

– Не захотел. Потому что не там и не с той, – говорю, а сам в глаза ей смотрю, не отрываясь, – да и на работе проблемы.

Первую часть признания она пропускает между ушей, как нечто несущественное, а вот вариант с работой ее устраивает:

– Теперь все ясно.

Я так старательно создавал и поддерживал образ крутого босса, культивировал его в ней, требуя признания и подчинения, постоянно макал носом в ее несоответствие моему статусу, что она приняла это. И теперь она попросту не видит остального. Или не хочет видеть. Почему-то становится тошно.

– Что тебе ясно, Лер?

– Работа – это святое.

Я не знаю, что сказать, поэтому тяну к себе кружку и делаю глоток кофе. Остыл.

Молчим. Я никак не пойму, что должен говорить, и как себя вести, чтобы ее не отпугнуть. Мне привычнее брать быка за рога и продавливать любые проблемы, решая их так, как нужно мне, но интуиция подсказывает, что сейчас это бесполезно.

Лера будто чувствует, что творится у меня внутри. Читает между строк.

– Демид, – она устало вздыхает, – я никак не могу понять, чего ты от меня хочешь? С чего такое внезапное желание снова общаться? Я все такая же, как и раньше. Бестолковая, наглая, не умеющая себя вести в приличном обществе. Все так же недотягиваю до тебя.

Ни черта не такая. Повзрослела и ей теперь плевать на то, дотягивает она до кого-то или нет.

– Ну почему же? Ты очень изменилась. Такая стала эффектная, деловая...

– Хватит, Демид, – устало отмахивается от моих комплиментов. – не трать время.

Она попросту прекратила мне доверять. Черт, да что ж так неприятно-то? Хотя заслуженно. Я в прошлый раз столько усилий приложил, чтобы отвадить ее, вышвырнуть из своей жизни. Размазал тонким слоем и ноги вытер, пытаюсь сохранить то самое искусственное спокойствие и репутацию среди людей, до которых нет никакого дела.

По-моему, я просчитался. Ведь даже сейчас, просто сидя напротив нее, я чувствую себя более целостным и живым. Будто застывший панцирь трескается и сыпается мелкими ошметками.

Она всегда была моим хаосом. Моей искрой, поджигающей изнутри.

...И я чертовски сильно хочу ее вернуть. Не прихоти ради, и не потому, что играет пресловутый инстинкт охотника. Она мне просто нужна. Вся целиком. С дурным характером, поступками на грани разумного, громким хохотом и нелепыми трюсами с Ежиком.

Я понимаю это, принимаю, и внезапно успокаиваюсь. На меня опускается то самое спокойствие, за которым я все это время гнался.

Ты тормоз, Барханов! Тормоз! Клинический.

– Чего ты улыбаешься? – сердито спрашивает Вознесенская, а я чувствую, как мои губы еще шире растягиваются в улыбке.

Как оказывается все просто, когда откидываешь дурацкие, никому не нужные рамки, и, наконец, признаешься самому себе в собственных слабостях.

Моя слабость – Лерка, и всегда ей была. И если в прошлый раз я этого испугался, то теперь готов идти до конца.

Наши телефоны начинают гудеть одновременно. Синхронно опускаем взгляды. На моем экране фотография Эльвиры, на ее – какого-то белобрысого хлыща.

Смотрим друг на друга. Между нами начинает искрить. Проклятые телефоны продолжают гудеть.

– Лер...

Она поднимает ладонь, жестом обрывая мою фразу и берет свой телефон.

– Я сейчас вернусь, – отходит от столика и до меня доносится ее тихое «Привет, Леш».

Демоны внутри меня тут же принимают боевую стойку. Что за хмырь? Какого черта он ей звонит? И не от него ли были те дурацкие цветы?

Я провожаю ее взглядом и внезапно натыкаюсь на неизменно потного Щеглова. Он как раз зашел в зал и теперь осматривается по сторонам, промокивая лысину платком.

Ему тут намазано что ли? Уже в который раз наши дорожки пересекаются в самых неожиданных местах и именно в тот момент, когда я с Леркой.

Как назло, он меня замечает. Поднимает руку в приветственном жесте и по кой-то фиг направляется ко мне.

И притормаживает, когда мимо него проходит Вознесенская. Хмурится, будто пытаюсь вспомнить, где ее видел. И вспоминает. Складки на его потном лбу разглаживаются, и в глазах загорается удивленное узнавание. Он даже оборачивается, чтобы посмотреть ей вслед, но Лерка слишком занята телефоном, чтобы обращать внимание на всяких толстых потных хмырей.

– Каким судьбами, Демид Сергеевич, – протягивает мне руку. Жму.

Рукопожатие у него слабое и потное, а ладонь мягкая, неприятная. Впрочем, как и он сам.

Я ничего не отвечаю, и он сам продолжает:

– Отдых после тяжёлого дня?

– Он самый.

– Говорят, у вас там все плохо, – кивает куда-то себе за плечо, но ясно, что имеет в виду обвал на объекте.

– Уже все уладили. Дальше просто работаем и выполняем свои обязательства.

– Твои юристы волшебники.

– Других не держим.

Это разговор ни о чем, просто дань вежливости. Я жду, что он что-то ляпнет по поводу Вознесенской, но Аркадий Дмитриевич этой темы не касается. Его больше интересует довольно молодая девка за соседним столиком, но он так усердно делает вид, что не замечает ее, что это даже смешно. Семьянин недоделанный.

Не зная, что еще сказать, Щеглов желает мне хорошего вечера и поспешно уходит, а спустя пять минут следом за ним цокает копытами и девчонка.

А Лерки все нет, и я начинаю подозревать, что она попросту сбежала.

Надеюсь, не к этому смертнику Леше. Надо его найти и поговорить по душам. Если не дурак, то поймет, чем ему грозят такие звонки. Черт, я становлюсь маньяком.

Подзываю первую попавшуюся официантку, сую ей крупную купюру, которой хватит чтобы оплатить пять ведер того пойла, которое они называют здесь кофе, и выскакиваю на улицу.

Уже ночь. Небо темное, затянуто хмурыми облаками, через которые ни одна звезда не пробивается. Ладно хоть фонари горят, так что всю улицу просмотреть можно.

Вознесенская сидит чуть поодаль на лавке. Упирается руками в сиденье и, чуть склонившись вперед, качает ногами, рассматривая свою собственную обувь.

Зараза. У меня аж внутри все сжимается. То ли от злости, то ли от облегчения.

– Почему ты здесь? – получается требовательно. Но иначе не могу. При любом раскладе сахарным мальчиком я не стану.

Она перестает трясти ногами, поднимает на меня серьезный, какой-то слишком взрослый взгляд и произносит:

– Жду такси.

– По-твоему, нормально вот так сбежать? – сажусь рядом, развязываю галстук, потом и вовсе стягиваю его и бросаю в мусорное ведро. В последнее время они меня бесят. Как в строгом ошейнике, мать его.

– Хороший был галстук, – скупно замечает она и отворачивается.

– Лер, давай не будем делать вид, что ничего не происходит.

– А что происходит, Демид? Объясни мне, потому что я не понимаю. Мы расстались. Я приняла твою позицию. Пережила, привыкла. Теперь у меня своя жизнь, в которую я больше не хочу тебя пускать.

Она говорит это так тихо и так уверенно, что у меня сводит зубы. Девочка научилась быть твердой.

– Поэтому не надо, Дем.

– Чего не надо?

– Ничего. Вообще. Я усвоила прошлый урок, поняла и про разный уровень, и про то, как и где нужно себя вести. Не надо мне снова об этом напоминать. Мне это не нужно. Я хочу просто жить. Общаться с друзьями, с близкими, с теми, кто принимает меня такой, какая я есть и не пытается посадить на цепь.

– С Лешей? – внезапно выдаю я, хотя и не собирался.

– И с ним в том числе, – Лера немного морщит нос, – а может и не с ним...но не с тобой точно.

Очень тяжело общаться с человеком, который тебе совершенно не доверяет. И крыть нечем. И винить не за что, потому что в прошлый раз я хорошо постарался. Научил, воспитал.

– Как там твоя ненаглядная? – спрашивает, пытаюсь сделать вид, что все равно. Но я ей тоже не верю. Смотрю на сцепленные до побелевших пальцев руки, на то, как нервно она пружинит ногами, как елозит на сиденье, неосознанно отодвигаясь от меня подальше.

– Не знаю. Я не ответил, – опережая ее вопрос, добавляю, – не захотел.

Снова внимательный взгляд.

– Меня ты так же игнорировал? Просто не захотел и все?

– Лер, – начинаю говорить и замолкаю, потому что красноречие изменяет. Я и так-то не слишком болтливый, а тут под ее пытливым взглядом и вовсе язык примерзает к небу. Это вам не бизнес, где все четко, и не договорные удобные отношения, в которых тоже все работает, как часы. Это Ежик. Шальной и обиженный.

– Она хоть заслужила это?

Не заслужила. Элька старалась, за нас двоих, изо всех сил. И до недавнего времени, я думал, что этого достаточно. Увы, нет.

Лера все понимает без слов и сокрушенно качает головой.

– Все ясно с тобой, Демид. Прости мне пора.

К нам подъезжает такси, но я не могу ее отпустить. Просто не могу и все. Беру за руку и тяну за собой.

– Дем, ты чего?

– Я сам тебя отвезу.

– Но такси...неудобно

Сую деньги водителю, и тот с довольной мордой уезжает.

– Все удобно. Идем.

Она почему-то не спорит. Грустно повесив голову, идет рядом со мной, пинает камушек. Меня не покидает ощущение, будто она пытается натянуть на себя рубище и стать незаметной. Весь ее смиренный вид будто кричит: здесь нет ничего интересного, проходи мимо и не оглядывайся.

Она прячет от меня ту самую Леру, от которой рвет крышу. То, какая она была с подружками – яркая и свободная, и то какая она сейчас со мной – это два разных человека. На будто боится, что снова зацепит меня. Прячется.

Сказать ей, что уже поздно? Или промолчать?

Я все-таки молчу. Это уже не та Лерка, что раньше, которая была влюблена в меня словно кошка и ловила каждое слово. Эта другая. Убежденная, что я ей не нужен и полностью смирившаяся с тем, что у нас ничего не получится. Мы как будто местами поменялись.

Я отвожу ее домой.

– Набери меня, как дойдёшь.

Она кивает. Выходит, из машины и бредет к подъезду. Вид у нее какой-то обреченный и удрученный одновременно. Ни разу не оглядывается. Просто уходит. И даже когда в ее комнате загорается свет – не звонит.

Я не знаю, как справиться с ощущением, что все катится в тартарары. Демид не давит, не делает непристойных предложений, не лапает ни руками, ни взглядом, но я чувствую, как вокруг меня стягивается тугая петля, сплетенная из обрывков наших прошлых чувств. Вернее моих, в том, что с его стороны тоже что-то было – я не уверена. Интерес, влечение – да, что-то серьезное – вряд ли. А что у него в голове сейчас – я боюсь даже предположить. И меня до чертиков пугает его настрой.

Барханов из тех, кто привык получать все, что захочет.

Ему не надо ничего говорить, я и так все вижу. По упрямо поджатым губам, по волчьему подозрительно задумчивому взгляду. Он решил, что я ему нужна. Знать бы еще зачем.

Возможно, хочет вспомнить старые добрые времена и затащить меня в постель – единственное место, где у нас не было проблем. То ли что-то еще.

Я боюсь этого «чего-то еще». Потому что слишком много на кону. Я уже не та девочка, которая сама написала взрослому мужику и предложила лишить меня девственности. Я все еще дурная, но не настолько чтобы прыгать в омут без оглядки на прошлое. У меня за плечами целый ворох болезненных воспоминаний и сложного опыта. А еще сын. И если Демид о нем узнает, то уж точно никогда не отпустит.

Но больше всего меня пугают собственные мысли. Когда я думаю о нем, все чаще в голове проскакивает шальное «а что если»? Вдруг в этот раз получится по-другому.

Приходится одёргивать себя. Напоминать, что такие как он не меняются. Что Дем все тот же чертов жесткий мужик, который прогибает под себя каждого, кто попадется на пути. Захочет – посадит рядом с собой, в золотой клетке или на цепи. Захочет – отберет сына. Ему это по силам. Ему все по силам. Это сейчас он ведет себя сдержанно, не давит, но, если захочет – сомнет играючи. Уж я-то знаю.

Я не вытяну его. И как бы сердце не заходило при взгляде на суровый профиль, я ничего не хочу тянуть. Слишком это больно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/dyuzheva_margarita/ostan-sya-so-mnoy

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)